

ISSN 0869—4788

102PA

АВГУСТ

8. 93

«На фестиваль». Фото В. Назарова

«ЮГРА»
№ 8 (22), август 1993 г.

Издается с сентября 1991 г.
Выходит один раз в месяц.

Индекс 78716

Редактор:
В.К.Белобородов

Адрес редакции: 626200,
г.Ханты-Мансийск,
ул. К. Маркса,14.
Телефон редакции: 4-12-25.

Журнал зарегистрирован регио-
нальной инспекцией по защите
свободы печати и массовой ин-
формации при Мининформпеча-
ти Российской Федерации.
Свидетельство № Е-0254.

Подписаться на журнал
можно с любого номера
в местном отделении связи.

Сдано в набор 7.07.93 г.
Подписано к печати 27.07.93 г.
Формат 60x84¹/₁₆. Бумага
газетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 3,8. Уч.изд.л.4,4.
Тираж 2000 экз. Заказ
Цена 24 руб.,
в розницу — свободная.

Оригинал-макет подготовлен
Ханты-Мансийской окружной
типографией.
Отпечатано в Шадринской
типографии п/о «Исеть» управ-
ления печати и массовой инфор-
мации администрации Курганской
области. 641800, г.Шадринск,
ул.Спартака, 6.

Историко-культурный журнал

Учредители — администрация Ханты-
Мансийского автономного округа,
нефтяные акционерные компании
«Аки-Отыр» и «Югранефть».

В номере:

Д. Кришнамурти. Смысл воспитания и образования	2
Т. Молданова. Выбор пути	4
Музей-просветитель	5
В. Волковец. Свет, идущий из памяти	11
В. Белобородов. К новой цивилизации .	13
Эко-пресс	15
Н. Чесноков. Можно ли перестроить животный мир	17
А. Кузнецов. Сенокосная страда	23
А. Сургутсков. Развитие парового судоходства на Иртыше	25
Ж. Носилов. В юрте остяка	29
О. Майорова. Юнона Монета	34
Е. Грошева. Березово — пуп земли	36
А. Новоселов. У реки	42
А. Тарханов. Из детской книжки	44
О. Тапит. Лесбег	46
Н. Патрикеев. Возвращение первопроходцев	52
Говорите по-мансийски	54
В. Плотников. На фоне больших кораблей	56
Ю. Гордеев. Связь	62

Д. Кришнамурти СМЫСЛ ВОСПИТАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ

Как воспитательные, так и политические системы не могут быть изменены каким-то таинственным образом, они изменяются, если происходит коренное изменение в нас самих. Первостепенное значение имеет индивид, а не система.

Невежественный человек — это не тот, кто не учился, а тот, который не познал самого себя, ученый является невеждой, если он думает, что понимание зиждется на книгах, знаниях, авторитете. Понимание приходит только через познание самого себя, через осознание всего психологического процесса в целом. Итак, воспитание и образование по существу — это понимание самого себя.

То, что мы в наше время называем образованием, есть лишь накопление информации и знаний из книг, и это доступно каждому, кто умеет читать. Такое образование является тонкой формой бегства от самого себя и, как всякое бегство, неизбежно создает все возрастающие страдания. Конфликты происходят из наших собственных неправильных взаимоотношений с людьми, вещами и идеями, и пока мы не поймем и не изменим их, одна ученость приведет нас лишь к всепоглощающему хаосу и разрушению.

При современной организации общества мы посылаем наших детей в школу для того, чтобы они овладели некоторыми знаниями. Прежде всего мы хотим сделать из ребенка специалиста в надежде, что это даст ему прочное экономическое положение. Но ведь все это не поможет понять самих себя?

Никто не станет отрицать, что надо уметь читать или писать, приобрести профессию, но это имеет лишь второстепенное значение. Жизнь — это страдание, радость, уродство, красота, любовь, и если осознать все это, как одно целое, то такое понимание создает свою особую технику. Идти от обратного — неверно, техника ни при каких условиях не может привести к творческому пониманию.

Вот мы стали инженерами, врачами, бухгалтерами, а что дальше? Разве профессиональная работа может стать смыслом жизни, хотя во многих случаях она им и становится? Мы не являемся мирными и счастливыми людьми. С возрастом наша жизнь становится пустой и скучной, и мы бежим от нее, хватаясь за любой способ отвлечения.

Сознание, что мы умеем играть на рояле или построить дом, дает нам чувство жизнеспособности, агрессивной независимости, но придавать главное значение овладению техникой из стремления к психологической безопасности — значит отрицать полноту жизни. Полноту жизни в каждый отдельный момент надо испытывать заново, ее нельзя предусмотреть.

Правильное образование, отдавая должное технике, призвано выполнять нечто несравненно более важное: оно должно помогать человеку осознать процесс жизни в целом. Не существует метода в воспитании, который сделал бы ребенка свободным и цельным. Мы же придаем пока

Кришнамурти Джидду, индийский религиозный мыслитель и поэт. В 1910 году объявлен теософами новым учителем мира. Истина, по Кришнамурти, раскрывается только интуитивно, в состоянии свободного «излияния» личности, чему препятствует любая законченная философская и религиозная система.

значение идеалам и методам. Если мы совместно стремимся к идеалу, работаем для будущего, мы формируем индивидов в соответствии с нашим представлением об этом грядущем, мы интересуемся не людьми, а своей идеей о том, какими они должны стать. «Должно стать» становится много более важным, чем «то, что есть». Если бы мы понимали человека непосредственно, имели дело с тем, что есть, то вся наша забота свелась бы к тому, чтобы помочь ему познать самого себя, и в этом бы уже отсутствовал личный мотив.

Идеалам нет места в образовании и воспитании, ибо они препятствуют пониманию настоящего. Нет сомнения, что мы можем осознать то, что есть, если мы не пытаемся убежать в будущее. Смотреть в будущее, стремиться к идеалу—свидетельствует об инертности ума и о желании уйти от настоящего. Жертвуя настоящим для будущего, мы для достижения, возможно, правильной цели применяем неправильные средства. Однако средства определяют цель, и в конце концов кто мы, чтобы решать, каким человек должен быть?

Правильное воспитание не придает значения идеологии, какую бы утопию она ни предлагала в будущем. Любой метод, классифицирующий детей по темпераменту и склонностям, лишь укрепляет различия между ними, порождает антагонизм, поощряет расслоение в обществе. Только любовь может привести к пониманию друг друга — происходит мгновенное общение.

Однако правительственным системам образования нужны квалифицированные техники, а не самостоятельно мыслящие человеческие существа, ибо такие существа становятся опасными для правительства. Большинству педагогов также не нужна любовь, они привержены идее, у них сухие умы и жестокие сердца. А чтобы воспитывать и учить ребенка, надо быть бдительным, настороженным, понимающим самого себя.

Другая задача образования состоит в создании новых ценностей, а не во внедрении в ум ребенка уже существующих. Правильное воспитание состоит в понимании ребенка таким, каков он есть. Если педагог или родитель любит ребенка, он наблюдает его, изучает его склонности, настроения и особенности. Лишь когда любишь не идеал, а ребенка, имеется возможность помочь ему понять, каков он действительно есть. Если, например, ребенок лжет, какой результат может дать поставленный перед ним идеал правдивости? Нужно найти причины, побуждающие его лгать. Это требует терпения и любви.

Пока дети малы, мы, конечно, должны ограждать их от физических травм и от чувства физической уязвимости. Однако, к несчастью, мы не останавливаемся на этом, мы стремимся формировать их мышление и чувства, мы хотим отлить их в определенные формы в соответствии с нашими собственными стремлениями и намерениями. Мы пытаемся довести через детей до завершения свое «Я», продлить себя через них. А потом мы плачем и молимся, когда их убивают или капят на войне, или если опыт жизни им приносит другие страдания.

Воспитание и обучение в том виде, в каком они существуют в настоящий день, не способствуют и пониманию унаследованных склонностей и влияний среды, которые обуславливают ум и сердце и питают чувство страха. Любая форма воспитания, обращенная лишь на часть, а не на целое человека, неизбежно ведет к росту конфликтов и страданий.

Мы утверждаем, что природа человека не может измениться, мы миримся с вещами, как они есть, и поощряем ребенка приспособляться к существующим формам жизни общества, мы обуславливаем его в соответствии с современным жизненным укладом и надеемся, что все делается к лучшему. Но может ли такая приспособляемость к современным ценностям, ведущим к войне и голоду, рассматриваться как воспитание? Не будем обманывать самих себя.

В современном обществе важным фактором является дисциплина — она гарантирует результат. Для нас ведь конечная цель имеет большее значение, чем средства, хотя именно они определяют конец.

Одной из опасностей дисциплины является то, что система приобретает большее значение, чем человек. Мы цепляемся за дисциплину потому, что наши сердца пусты. Свобода никогда не придет через дисциплину, через сопротивление. Свобода — это начало, а не конец.

ВЫБОР ПУТИ

Сохранение народного декоративно-прикладного искусства как части духовного наследия — одно из направлений деятельности ассоциации «Спасение Югры». Решением этой задачи занимаются различные учреждения.

Во-первых, сеть государственных структур управления культурой. Существуют центры национальных культур — окружной, районные, в штате которых есть методисты по декоративно-прикладному искусству, которые периодически проводят семинары, выставки. Главный недостаток этих структур в том, что они неспособны взять на себя снабжение мастеров необходимыми материалами. Кроме того, они хотят охватить максимальное число мастеров. Этой системе вообще присуща заорганизованность, которая не дает возможности для индивидуальной работы с талантливыми мастерами. К тому же, в центрах зачастую нет специалистов.

Второй путь — создание различных национальных кооперативов по изготовлению так называемых сувениров. Это производство, где более или менее отлажены функции снабжения, но искусство превращается в товар. В результате мы сами начинаем уничтожать свое собственное обско-угорское искусство, потому что у массового потребителя никогда не возникнет потребности, например, в ровдужной обуви, орнаментированных люльках и т.д. И вместо произведений искусства даже наиболее талантливые мастерицы вынуждены изготавливать то, на что есть спрос, — например, шапки, бурки.

Окружной комитет по делам малочисленных народов Севера, имея материальные средства, также пытается как-то работать с мастерами, при этом подменяя то ли центры национальных культур, то ли кооперативы. Но так как это явно функция не комитета, то в результате мы видим, что такой путь вообще опасен. Разовые, хаотичные заказы некомпетентных людей, причем, имеющих немалые средства для закупки, расхочаживают, развращают мастеров, в дальнейшем с ними вообще невозможно будет организовать работу, и таким путем мы уничтожим наши подлинные ценности.

Есть у нас и четвертый путь. Это работа с носителями традиционной культуры через Союз художников — в частности, искусствоведа Н.Н.Федорову, многие годы работающую индивидуально с талантливыми мастерами. Некоторым из них было присвоено звание «Народный мастер РСФСР», т.е. изделия, ими изготовленные, как бы имеют статус эталонных, на эту группу мастеров можно ориентироваться. Но необходима систематическая работа, а соответствующей структуры не существует, поэтому невозможно снабжать мастериц и мастеров материалами, вести с ними индивидуальную работу, реализовывать изделия.

Исходя из сказанного, в апреле этого года координационный совет ассоциации «Спасение Югры» принял решение ходатайствовать о создании в округе (возможно, при институте возрождения обско-угорских народов) специальной структуры со штатом специалистов (искусствоведов, этнографов), наделенных дополнительной функцией экспертов, исследователей по работе с народными мастерами для сохранения уникальности традиционного обско-угорского искусства.

Т. Молданова

Публикуемая статья — изложение тезисов доклада автора на научно-практической конференции «Поиски форм самоуправления абор генных народов», проходившей в дни IV Международного фольклорного фестиваля финно-угорских народов.

МУЗЕЙ-ПРОСВЕТИТЕЛЬ

На вопросы редакции отвечает директор этнографического музея г. Мегиона В.И. Сподина.

— Виктория Ивановна, ваш музей за сравнительно короткое время сформировался в активно действующий культурно-просветительский центр. Хотелось бы знать подробности: что именно сделано?

— Все знают, что музей — это учреждение, которое занимается культурно-просветительской работой, но при этом сложилось представление, что просветительская часть не основная, а главное — сбор и хранение экспонатов. И действительно, дальше проведения экскурсий, музейных уроков, чтения лекций дело зачастую не идет.

Особенность нашего музея в том, что почти весь научный коллектив состоит из бывших учителей, имеющих большой стаж и высокую квалификацию. Естественно, что мы стараемся сблизиться со школой. Какие бы поисковые, экспедиционные работы ни проводил музей — археологические, этнографические, экологические, палеонтологические, энтомологические — обязательно на их основе мы готовим материалы в помощь учителю биологии, химии, истории, географии. Эта постоянная методическая работа и привела к тому, что музей начал в Нижневартовском районе движение за этнографический всеобуч. За предыдущий год мы провели шесть курсов повышения квалификации учителей Нижневартовского района. Одним из результатов явилось то, что спецкурс по этнографии введен в расписание уроков школы № 25 г. Нижневартовска, ведет его Анна Викторовна Седова. Совместно с нами работает и средняя школа поселка Излучинск. На базе мегионской школы № 5 мы сейчас разрабатываем программу «Занимательная этнография» для учеников начальных классов. Сквозь призму произведений писателей А. Коньковой, Е. Айпина, М. Анисимковой, Ю. Шесталова они постигают предметы хантыйского и мансийского быта. Многие из этих занятий проводит музей. Сейчас, когда почти в каждой школе этнография велась уже год, появилась возможность использовать в учебном процессе составление кроссвордов, проведение игр типа «Поле чудес» или «Что? Где? Когда?» Мы эту методику разрабатываем, готовим вопросы, привлекаем спонсоров. Кстати, у нас учреждены именные стипендии фирмы «Купец и К°» для поощрения лучших юных этнографов. А когда мы проводили обобщающий урок по этнографии в третьем классе, за лучшие ответы эта же фирма вручила призы. Но еще больше, чем призы, детям понравилось разгадывание загадок, соревнование. Интересно ведь, когда учитель дает букву «к» или «о», назвать как можно больше хантыйских предметов на эту букву.

Эксперимент по этнографии развернулся под нашим руководством и в средней школе пос. Высокого. Учителя этой школы уже больше года проходят у нас курсы, консультируются, берут литературу. Большим спросом у них пользуется ваш журнал. И, что интересно, они говорят: дайте нам программу, а спецкурс мы теперь можем читать и сами, потому что есть такое хорошее пособие по

краеведению и этнографии, как журнал «Югра» с публикациями Бахлыкова, Молдановой, Косинской, Кокшарова и многих других авторов. Мы сейчас уже делаем у себя запас в 100 экземпляров, чтобы иметь возможность вручить новому учителю стопку журналов.

Своих форм работы мы школам не навязываем, мне как раз понравилось то, что школа пос. Высокого пошла в пропаганде и изучении этнографии своим путем. Они провели месячник хантыйской культуры. Конечно, оформление было скромное, но мы видели на халатиках девочек бумажные аппликации орнамента. У них и «костер» на сцене горел, и собака лежала на сцене, и строганину из щуки готовили — дети воссоздали картинку жизни. Кроме того, были прекрасные рисунки детей по фольклорным произведениям, изделия из бисера, меха, хантыйские куколки. Желание все сделать хорошо было огромное, чувствовалась радость праздника культуры. И здесь же родилось предложение: а давайте проведем месячник русской культуры! И провели. Показали изделия народных промыслов — дымковского, хохломского, гжельского, рассказали об их истории. И чаепитие было прекрасное, и выставка картин русских художников. И жители теперь несут в школу прялки, вышитые полотенца, самовары, старые утюги... Благодаря ее культурному притяжению стало престижным отдать школе то, что долго лежало в сундуках как самое дорогое. У школы нет пока ни финансовых возможностей, ни свободной классной комнаты, чтобы разместить музей, но зато есть систематизированный материал по различным национальным культурам и возможность быстро развернуть нужную выставку.

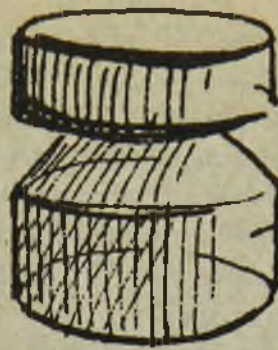
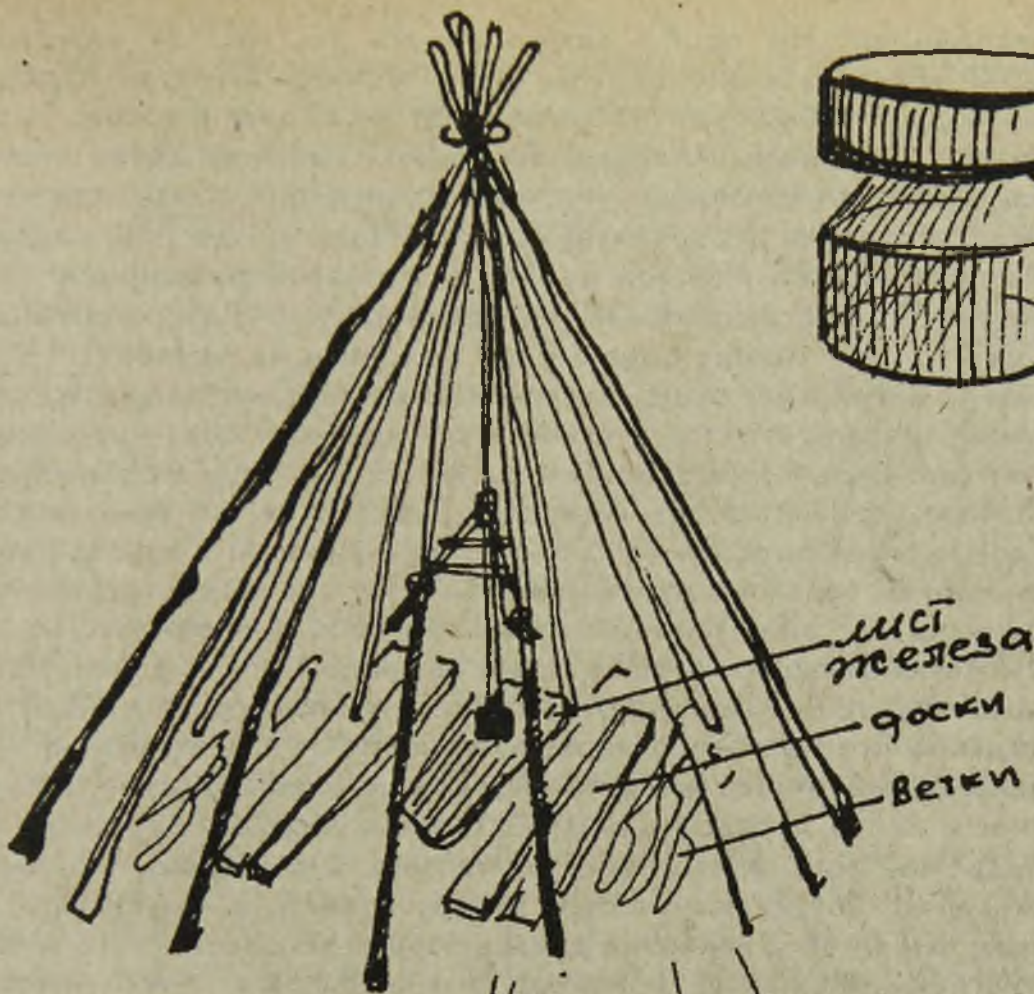
Сейчас этнографией заинтересовались даже вспомогательные школы. В том же Высоком школа занялась театром, ставят сказки — хантыйские, русские, т.е. опять новая форма. Наша мегионская вспомогательная школа разрабатывает сейчас поурочные планы изучения этнографии. Может быть, со временем нам удастся распространить этот опыт и на структуры власти, и на коммерческие структуры. Мы готовы к этому. Но не могут найти времени, а может быть, и желания руководители, чтобы сказать: «Пожалуйста, проведите у нас семинар». Если будут обладать знаниями в этой области люди, которые стоят у руководства наших городов, будет и большее понимание значения той, может быть, и невидимой работы, которую проводят учреждения культуры. И будет, надеюсь, несколько другое отношение и к природе, и к земле, и к людям, которые населяют край. Очень многие беды идут от незнания.

— А почему все-таки столь много внимания именно к предмету этнографии?

— Потому что мы имеем Югославию, мы имеем Карабах и многое другое. Долгое время национальные проблемы были запущены и не решались. Мы говорили о дружбе народов, и в то же время подавлялись национальные интересы, язык, обычаи, народы теряли свою самобытность. Сейчас народы встрепенулись. Казачество стало подниматься, возникли татаро-башкирские и другие общества. Смотришь на детей в классе — наполовину татары, но уже знаешь, что ребенок не будет осмеян только за то, что он принадлежит к татарскому народу и татарской культуре. На очереди пусть будет возрождение других культур, но чтобы они не умаляли достоинства друг друга и жили одной семьей.

Этнография сама по себе наука удивительная, она находится на стыке многих других наук, здесь необходимо знать и лингвистику, и историю, и географию, этнограф должен даже уметь рисовать. К тому же, это и

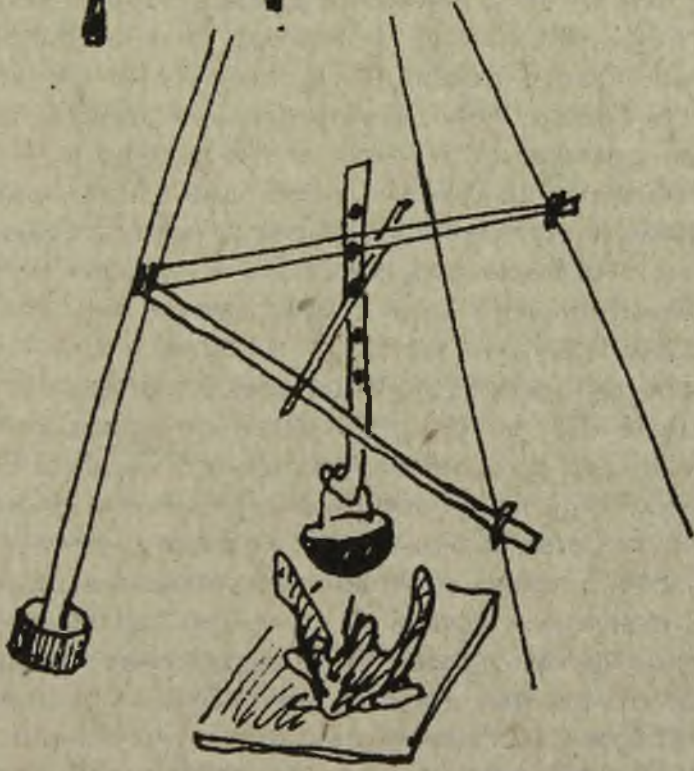

СТУЛЬЧИКИ

міст
метеза

доски

ветки

увлекательные экспедиции. Но особо важно видеть то, что за каждым предметом, каждым музейным экспонатом стоит человек и целый народ. Через этнографию люди, особенно дети, приобщаются к своим истокам. Наш музей создавался как школьный и первые экспонаты собрали дети. Мало того, возвращаясь с каникул из разных уголков страны, они привозили кто бабушкин костюм, кто старую деревянную ложку. Казалось бы, мы создавали свой музей как музей хантыйской культуры, но дети расширили его рамки, принося все, что представлялось им интересным, что было частичкой их родины. Поэтому-то и не может один музей походить на другой.

Сейчас, когда мы около пяти лет общаемся с ненцами и хантами Нижневартовского района, я не могу сказать, что кто-то из них по отношению к нам — русским, приезжим — проявил свое нерасположение. Поэтому этнография для меня и наука общения. Я не уважаю, презираю тех музейных работников, которые из-за экспоната готовы спойть семью, пойти на какую-то еще низость. Когда вот так обирают людей, они потом годами с горечью вспоминают эту свою утраченную вещь. Конечно, бутылка — самый легкий способ получить и информацию, и предмет, но пользуются ей те люди, которые хотят получить их любой ценой. Нет, владелец вещи должен отдать ее вам с душой, с добром, теплыми руками. А если ты, собиратель, видишь, что человек в нерешительности, лучше приезжай на стойбище еще раз, когда он будет готов отдать вещь именно в твой музей — только тогда она будет нести тепло и радость людям. О ней говоришь на каком-то эмоциональном подъеме, потому что тебе ее человек с радостью подарил. Казалось бы, вещи молчат, но они несут в себе эмоциональный, а может быть, и энергетический заряд. В них тепло вложено, душа и сердце человека. И это тоже очень важно для этнографа. Можно и 2-3 раза ездить и не привезти ничего. Мы вот частенько ездим даже просто пообщаться, потому что с этими семьями нас связывает уже что-то большее, чем собирательская работа. Наверное, поэтому мы стремимся в своей деятельности именно это передать — чувство к народу. Стараемся и практически помочь: какие-то проблемы высвечиваем в газетах, ищем спонсоров. Вот в феврале нам перевели деньги для приобретения продуктов, и мы летали на вертолете на стойбища под Ноябрьск — увезли муку, сахар, молоко концентрированное. Проблемы-то ведь существуют и их надо решать всем — и районной администрации, и музею, когда он в состоянии что-то сделать. Тогда и не будет озлобленности против пришедшего человека, который всю землю вытоптал и людей толкнул к нищете. Как вести промышленное освоение Севера и одновременно сохранить условия для проживания коренного народа? Это очень сложный вопрос взаимоотношений. Где найти золотую середину? Можно понять и тех, кто представляет здесь государственный интерес: не будет нефти и газа — экономика наша остановится. И можно понять и таежника, который всю жизнь ловил рыбу и ею питался, а теперь вынужден искать те ручейки, где еще не стояла буровая. В хантыйской лексике появилось даже новое выражение: «буровой лежанка» — лежбище буровой, то, что от нее остается, когда буровики снимаются и уходят на другое место. И это становится топонимом, меткой на земле.

Все это подтолкнуло нас к тому, что мы сейчас работаем над созданием независимой биохимической лаборатории при музее. Заниматься этим будет наша заведующая методкабинетом Наталья Митрофановна Жунтова, по специальности химик-биолог. Она поступила в университет, где изучает проблемы экологии, и

этим летом будет практиковаться в лаборатории пищевых продуктов в Москве, после чего получит право проводить анализы воды, воздуха, снега, клюквы и т.д. и давать информацию. И мы сейчас просим спонсоров о приобретении в Германии мобильной лаборатории, которую можно поставить на машину, в лодку и ехать на любое стойбище — исследовать, как загрязненность рек, озер, почвы влияет на условия традиционного проживания, увидеть тенденцию, сможет ли в этой природной среде выжить народ как физическое тело. То есть мы хотим заняться этноэкологией.

Сейчас мы разрабатываем маршрут экологической тропы в заповеднике (филиале музея) в 40 км. от города, школьники смогут проводить на ней научные исследования. Нынче проводим также две биоэкологических экспедиции по нашим рекам с теми приборами, которые есть, не дожидаясь, когда появятся более совершенные. И готовимся в августе-сентябре дать учителям большой курс по вопросам экологического состояния Нижневартковского района и влияния экологии на условия традиционного проживания людей.

У нас работает детская художественная школа — экспериментальная, с этнографическим уклоном. Теперь школа подросла, стала четырехгодичной, и в ней на протяжении трех лет ведется этнография как отдельный предмет. Сейчас директор школы Альфия Борисовна Мухаметова закончила разработку спецкурса по декоративно-прикладному искусству. В поселке Высоком разрабатывается спецкурс по фольклору коренных народов Сибири. И получается, таким образом, что экспериментальный курс этнографии не укладывается в те два года, на которые был рассчитан. Учителя, которые вчера сидели у нас на курсах, сегодня уже сами разрабатывают программы, начинают свой эксперимент. Мы теперь имеем возможность оснастить нашу общеобразовательную школу по крайней мере тремя программами по этнографии, которые могут быть полезными учителю литературы, рисования, истории, географии, биологии. Таким образом мы создадим методическую базу для преподнесения знаний по этнографии через основные дисциплины, чтобы ребенок, который окончит школу и уедет к себе в Казахстан, или на Украину, в Молдавию, мог рассказать, на какой земле он провел свое детство, юность. Все-таки этнография — это воспитательный предмет, она воспитывает и любовь к собственному народу, и любовь к природе, и уважение к другому народу. Мы интересны друг другу, потому что мы разные. Это относится как к людям, так и к народам. У одного хлеб готовится так, у другого — иначе, у одних культура стола одна, у других — другая. Различны речь, обычаи, жестикауляция... И вот в этом различии нужно искать притягательные моменты.

— Виктория Ивановна, у меня к вам есть еще важный вопрос с точки зрения специфики журнала — о динамике самого дела. Как оно развивается, чем обеспечивается развитие, успех?

— Здесь на каком-то начальном этапе важно выстоять. Тебя не знают, твоего дела не знают — важно выстоять, закрепиться, показать, чего ты хочешь, убедить в том, что ты делаешь нужное, полезное дело. Это самый тяжелый момент, очень многие на этом ломаются. Нет денег, нет условий для работы, нет подвижников, которые впряглись бы в этот воз, который надо за собой тянуть. А ведь еще есть и завистники, которые начинают окружать тебя и твое дело легендами, сказками и прочим «фольклором» отрицательного свойства. Нужно это все выдержать, через это пройти, идеальные условия очень редко бывают.

Когда все это пройдено, наступает этап развития, творчества. Здесь часто приходят в противоречие ограниченность средств и энергия человека, его потенциальная возможность творить и развивать дело. Зарождается внутренний конфликт («Есть возможность реализовать себя в массе полезных дел, а мне не дают это сделать»). Некоторые обижаются: «Ах, раз не помогаете — все, с меня хватит, довольно».

— Вас посещали такие мысли?

— Неоднократно. Ведь нужно время от семьи забирать, нужно жертвовать, допустим, своей диссертацией, я уж не говорю — здоровьем и нервами. Ведь не каждая семья готова поддержать этот энтузиазм. Полеты на вертолетах, экспедиции, рюкзаки, наскоком домой, в ванной моются экспонаты — это надо иметь терпение и поддержку со стороны семьи. Только в этом случае можно успешно двигаться вперед.

Мы этот начальный этап выстояли, школьный музей за три года стал городским на пустом абсолютно месте. Спасибо за это администрации 5-й средней школы Мегиона, которая отдала нам целое крыло — четыре классных комнаты. Сейчас мы уже видим результаты своего труда, к нам приезжают даже из других городов. Недавно были гости из Монголии, привезли альбомы, рассказывающие об их национальной культуре, и мы часами сравнивали наш шаманский головной убор с монгольскими предметами культа. Культуры-то ведь в общем похожи. У нас сложился очень творческий коллектив из бывших учителей. И сейчас, когда есть интерес к культуре, очень важно найти союзников среди тех, кто может оказать финансовую помощь. В очень трудное время нам помог здравотдел, хотя сам был не в таком уж хорошем положении. Нам постоянно помогают коммерческий банк «Югра», фирма «Купец и К°» и другие предприятия, с которыми заключены договора о сотрудничестве. У меня нет никаких претензий к администрации города, нам дали денег столько, сколько было нужно. Немного музей и сам зарабатывает. Но важно, чтобы заработок не стал самоцелью учреждения культуры, а такая опасность есть — это бывает тогда, когда музей обрастает коммерческими структурами, которые арендуют помещение и размещают в нем свои ларьки. От этого культурное учреждение вырождается. Мы прежде всего должны быть профессионалами, только тогда наша работа будет вызывать интерес. Ну, а деньги... Главное — какие цели ставишь на данный период. Если видишь, что своими силами ты не справишься, значит можно сделать два шага назад, чтобы потом — пять шагов вперед, и вперед, и вперед. То есть надо идти на компромиссы.

— Мне кажется, сейчас предпосылки для профессионализации более благоприятные, потому что работник культуры освобожден от функции «бойца идеологического фронта».

— Сейчас, конечно, намного легче. Когда есть дело, не до выяснения каких-то вопросов политики. Есть дело, которое является, наверное, самой большой политикой. Нет никаких проблем для того, чтобы работать, важно только иметь желание и знать, чего ты хочешь добиться завтра, послезавтра.

Интервью взял В. Белобородов.

На рисунках А. Мухаметовой: учебный материал по этнографии, используемый на занятиях в Мегионской детской художественной школе.

СВЕТ, ИДУЩИЙ ИЗ ПАМЯТИ

Присел охотник на снег, раскуривает трубку. Намаялся в тщетном поиске добычи. Ни зверя, ни птицы окрест. Тяжело давит пустота серых небес за его плечами и голая равнина делянок. Когда-то он охотился в этих местах, выслеживал зверя, бил белку в глаз, крался к глухарю. Пришел снова и ничего не может узнать после похозяйничавших лесозаготовителей. Глубоко и тоскливо задумался о своей судьбе и судьбе своего малого лесного народа, вынужденного оставлять исконный промысел.

Настроение этой картины ханты Вадима Савинова прочно селится в сердце, беспокоит, и с этой смутной тревогой переходишь к следующим живописным полотнам художника. Пейзажи его теплы и светлы, но и в них разлита та же грусть по утерянному и уходящему. Забываются дорогие подробности, просачиваются давние живые впечатления, как песок сквозь пальцы. Время течет, укорачивая жизнь.

Перебираешь старые фотографии, на которых родное село Малый Атлым, изба лесника с цифрой «15» на крыше, чтобы виднее было с самолета, просторы Оби, грибные и ягодные места и дорога, ведущая к ним, желтый обрыв над речкой Лесная, полузаглохшее озеро, первые лучи солнца после долгой северной ночи, дети, играющие с собаками...

Смотришь на фотографии двадцати-тридцатилетней давности и не замечаешь, что они черно-белые. Ты всегда родные места помнил в цвете. Много изменилось на родине. Выросли новые дома, а леспромхозы своей деятельностью исковеркали лицо природы. И все же родина, вошедшая в кровь и плоть, живет в тебе и мучает.

Только коснись кистью холста, и разум сердца подсказывает следующий шаг. Он будет более твердым, точным и подробным — до кровеносных прожилок на солнечном листе осины.

Вадим Иванович Савинов с детства мечтал обучиться живописному делу, но судьба распорядилась иначе. Он окончил медицинский институт и сейчас работает хирургом в Советской центральной районной больнице. Но тяга к искусству не пропала. Однажды он по памяти нарисовал акварелью пейзаж, увиденный и запомнившийся во время охотничьего бродяжничанья по тайге. Потом, отталкиваясь от фотографий, Вадим Иванович стал дальше пробовать рисовать, сначала робко, еще не осознавая, что живописует, но все сознательней и отстрашенней от того, что изображали снимки. Он не копировал фотографии,

скорее они являлись своеобразным толчком для фантазии художника, которая уводила его в одухотворенные любовью и страданием родословные края Обского Севера.

Пишет он на кухне свободными вечерами подолгу, часто прерываясь, неудовлетворенный написанным, иссякающим чувством. Оно вернется и снова позовет его к оставленному наброску, этюду.

Самодеятельные художники, на мой взгляд, тем и интересны, что не насилюют душу, не осквернены коммерцией и потребой дня. Ими движет первородное чувство творчества и какое-то неспешное, серьезное отношение к тому, что они делают, без игры и самолюбования. Они пишут «для себя», но, оказывается, для многих.

Неблагодарное, более того, пустое занятие словами описывать пейзажи и портреты — тома уйдут, горы слов и образов, а читатель так и не сможет представить тех красок, которыми двигали чувства художника. Лучше раз увидеть, чем сто раз услышать.

Все, кто хотел увидеть работы Вадима Савинова, увидели — состоялись выставки в районном Доме культуры, в краеведческом музее. Районный краеведческий музей многое делает, чтоб жители наших поселков, взрослые и школьники, могли познакомиться с творчеством местных художников — спасибо ему. Вадим Савинов выставил около двадцати картин. Немного? Но свой мир уже заявлен, живет своей жизнью, ошутим запах соснового бора, слышен шелест листвы и биение ручья, ребячий смех и свистящий бег нарты, плеск рыбы на картине «Вечер на Оби», заклинания и звук бубна на картине «Шаман», которому вряд ли кто уже верит. Тем драматичней образ. И зритель сочувствует старому шаману.

Вадим Савинов, как сам признается, не преследует цели выставляться, его вдохновенье — это тоска по родине, желание оставить в памяти дорогие образы близких ему людей, впечатления от увиденных уголков таежного края, который нужно сохранить хотя бы на полотнах.

За всю жизнь он ни разу не видел живого художника, не знал, какими кистями надо писать, как правильно накладывать краски. Он сам, наитием, ошупью, подсознательно искал: что нужно, чтобы тот мир, живущий в его душе и памяти, ожил в красках на холсте и заговорил с нами, зрителями.

Владимир Волковец
п. Советский

К НОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В массе новых периодических изданий, появившихся за последние годы, не так просто бывает отыскать прочное и основательное, рассчитанное на длительный и серьезный диалог с читателем. Одно из таких изданий — российская экологическая газета «Зеленый мир».

О чем рассказывает «Зеленый мир»? Можно ответить предельно кратко: о жизни. Можно добавить: о жизни Земли, ее биосферы, человека, о месте человека на планете и во Вселенной, о ценностях истинных и мнимых, о заблуждениях, порождающих жизненный драматизм, о необходимости и возможностях преодоления нынешнего неблагополучия и неустройства ради нас самих и наших потомков...

И все это — не академически бесстрастные рассуждения, понятные только интеллектуалам. Нет, редакция хотела бы говорить с возможно большим числом сограждан. Отсюда и взволнованность, и полемичность авторских интонаций. Газета активна, она будоражит общественное мнение, обращая читательский взгляд в сторону Чернобыля, Арала, Южного Урала, Российского Севера и других многострадальных уголков земли — источников отнюдь не положительных эмоций, как бы говоря: хватит отворачиваться, не замечать, прятать голову в песок. При этом она готова взяться за любое дело, от которого можно ожидать пользу, рассказывать о заслуживающем повторения опыте, дать полезный практический совет (например, как вывести радионуклиды из продуктов питания).

О диалогичности газеты говорят ее рубрики: «Мнение», «Вопрос-ответ», «Актуально!», «Почта», «Обсудим». Особенно приятно заметить, что редакция, конечно же, не обошла своим вниманием детей и подростков, им она адресует тематическую страницу «Мир и человек» — хороший источник для учителей и для любого, кто занимается экологическим образованием и воспитанием школьников.

Еще одно подтверждение открытости издания — плотная насыщенность информацией. Опубликованы, в частности, многие документы и проекты — Государственные доклады «О состоянии окружающей природной среды в Российской Федерации в 1991 году» и «О состоянии здоровья населения Российской Федерации в 1991 году», Декларация Конференции Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, июнь 1992 г.), проект Закона Российской Федерации о возмещении вреда здоровью от загрязнения окружающей среды, Хартия предпринимательской деятельности в интересах устойчивого развития. Напечатанный в предыдущем номере «Югры» проект «Экологического кодекса России» тоже впервые увидел свет в «Зеленом мире». Многие из проектов обсуждаются на страницах газеты.

Среди публики у редакции нет «любимчиков», никем она не пренебрегает, и каждый небезразличный к окружающему найдет для себя интересное в любом номере. Тем, кто несведущ в фундаментальных вопросах, предлагаются любопытные короткие сообщения в рубриках «Эко-пресс» и «Эко-глобус» (по этим материалам составлена публикуемая ниже подборка). Обыденный житейский интерес прекрасно удовлетворяют рубрики «Будьте здоровы», «Народный опыт», «Экология души» и такие статьи, как «Лекарственные и пищевые растения Севера». При этом здесь исключена столь распространенная ныне безответственность практических рекомендаций, потому что авторы газеты — авторитетнейшие специалисты.

Для тех, кто ищет серьезного, глубокого чтения по вопросам экологии, есть, например, такая просветительская рубрика, как «Открытый университет». (Кстати, некоторая количественная избыточность рубрик, видимо, вообще свойственна молодому изданию и говорит об увлеченности журналистов своим делом). В ней, как правило, затрагиваются и мировоззренческие аспекты различных проблем. Насыщенность мыслью, напряженная жизнь духа вообще одна из характернейших черт газеты. Не имея возможности дать специальный анализ, надеюсь убедить читателя в сказанном цитированием нескольких авторов одного только восьмого номера за нынешний год.

Р. Корень, кандидат технических наук: «Три кита» экологии — энергия как материальная ее основа; информация, обеспечивающая качественную основу; культура, создающая ее духовную и нравственную основу. Все остальные субстанции и понятия (и в том числе вещество и экономика) являются производными, либо поглощаются этими «тремя китами». («От отраслевых игр — к опыту эволюции природы»).

И. Бестужев — Лада, социолог: «Новая цивилизация — а без нее нам не выжить — должна прежде всего основываться на низкой энергетике, на чистых источниках энергии, которую дают солнце, ветер, вода...» «Оказывается на чистой низкой энергетике можно не только выжить, можно жить достойно. Для этого нужно кардинально изменить образ мышления и образ жизни. А для начала разобраться, что такое наши потребности и псевдопотребности. Ведь сейчас 90 процентов производимой энергии человечество тратит для удовлетворения псевдопотребностей, тратит на то, что идет во вред человеку и человечеству». («Альтернативная цивилизация: от утопии к реальности»).

Н. Сапсай, протоиерей: «К несчастью, в наши дни под влиянием чрезвычайного рационализма и безграничного стремления к земному благу человек действует как авторитарный и грубый хозяин. Сегодня наблюдается настоящее насилие над природой с целью удовлетворить не насущные потребности, а бесконечную цель appetitov и желаний; разжигаемых доминирующей философией общества потребления. Но мир «стенает и мучится» и начинает протестовать против такого грубого произвола в угоду алчной прихоти эксплуатировать природные ресурсы». («Природа, религия, нравственность»).

К. Вильнев, канадский биолог: «Возможно, обеспечение устойчивого развития является важнейшей из всех когда-либо ставившихся целей. Сегодняшняя наука дает нам удивительную возможность предсказывать пути эволюции окружающей среды. Хватит ли нам мудрости, чтобы избежать катастрофы в процессе улучшения качества жизни? Или увлеченные экономическими моделями, авторы которых заверяют нас, что все безгранично в этом ограниченном мире, мы окажемся перед лицом кризиса?

На эти вопросы наука ответить не может. Дело всех и каждого принять участие в их решении». («Дело всех и каждого»).

(Рекомендую также для более подробного знакомства с изданием прочесть статью в рубрике «Гуманитарная мысль», перепечатанную тоже из «Зеленого мира»).

Будучи читателем «Зеленого мира» вот уже более года, вполне убежден в том, что это хорошо поставленное, высококультурное издание. В нем многое стоит того, чтобы быть прочитанным, осмысленным, сохраненным и не раз перечитанным.

В. Белобородов.

Эко — пресс

(По страницам «Зеленого мира»)

Впервые в истории России

будет издана серия «Природные ресурсы и производительные силы Российской Федерации (экология, рациональное природопользование)».

В книгах этой серии предполагается дать описание и анализ не только традиционных природных ресурсов (минеральных, водных, биологических), но и таких комплексных и малоизученных, как климатический, атмосферный и рекреационный в сочетании. Найдут в них отражение и проблемы мониторинга и контроля за качеством природной среды.

***

«Практикой, близкой к бандитизму»

называют активисты канадского движения «зеленых» деятельность совместных предприятий в сибирской тайге, которые занимаются сплошной вырубкой леса, не обращая никакого внимания на экологические последствия этого разбоя.

Сибирская тайга может стать пустошью благодаря сговору между Востоком и Западом, пишет канадская газета «Глоб энд мейл». Отчаянно нуждаясь в иностранном капитале для подъема своей экономики, говорится в статье, Россия начала создавать совместные предприятия с иностранными лесоперерабатывающими компаниями. Это те же самые канадские, американские, японские компании, которые уже вырубил под корень большую часть «дождевых лесов» на Земле — от Юго-Восточной Азии до Бразилии и Тихоокеанского побережья Канады. Канадские авторы считают, что, нуждаясь в иностранной валюте, Россия закрывает глаза на чрезмерности в практике своих иностранных партнеров. Лесопромышленные компании-гиганты действуют практически безнаказанно, так как за нарушение российских законов могут быть подвергнуты лишь ничтожным штрафам. Иногда — размером лишь в три американских доллара.

***

Олени исчезнут в «озоновой дыре»

Данные опубликованного в Лондоне доклада, подготовленного датским ученым для Европейского сообщества, свидетельствуют: первыми жертвами разрушения озонового слоя планеты могут стать северные олени.

Уже сейчас запасы их основного корма быстро исчезают.

Исследователи обнаружили, что на обширных площадях, расположенных за Полярным кругом и в первую очередь в Гренландии, олений мех — единственная пища для животных — на протяжении долгих зимних месяцев чернеет и погибает. По их мнению, — это результат «озонового похудания».

***

Стимулятор роста

Уже давно ученые Института торфа Академии наук Беларуси работали над разработкой и апробацией экологически безвредных стимуляторов роста сельхозкультур — гидрогумата и оксигумата. И вот, наконец, в колхозе «40 лет Октября» Каменецкого района начал действовать первый в республике цех по производству этих препаратов.

Что практически дают гидрогумат и оксигумат крестьянам? Во-первых, значительно ускоряется прорастание семян и повышается качество и урожайность как злаковых, так и овощных культур. Во-вторых, применение стимуляторов при обработке почв позволяет значительно снизить использование пестицидов. И, как уже говорилось, они помогут получать более чистую в экологическом отношении продукцию.

Полная комплексная механизация производственных процессов позволяет получить путем химической переработки низинного торфа почти тонну препаратов в день. Этого хватит самому хозяйству и останется для продажи соседям и жителям района.

***

Смерть для колорадских жуков

Выведенный в перуанском Международном центре по выращиванию картофеля новый сорт этой сельскохозяйственной культуры — подлинная сенсация в агрономии. Как сообщили участники состоявшейся в Вашингтоне пресс-конференции, «волосатый картофель», выращенный гибридным способом из дикого сорта, обладает уникальным свойством. Он сам эффективно борется с вредными насекомыми. Мелких насекомых убивает наповал, выделяя из стеблей и листьев смертельное для них вязкое вещество. Колорадские жуки гибнут по той же причине медленной смертью.

***

Пейте через соломинку

Это изобретение используется в вооруженных силах НАТО. «Акуфильтр» представляет собой соломинку-фильтр, через которую можно смело пить любую воду, например, морскую или непроточную, не боясь ни бактерий, ни вирусов, ни каких-либо загрязняющих веществ. Весит «Акуфильтр» всего 30 граммов.

***

Зоопарк будущего

Необычный зоопарк, единственными живыми существами в котором окажутся люди, планируют создать в Лондоне.

В проектируемом зоопарке посетители смогут увидеть редких животных в естественной для них среде обитания по прямым линиям телесвязи с космическими спутниками и взглянуть на природу планеты как бы глазами самих животных с помощью моделируемых компьютером зрительных образов. Благодаря эффекту «живого присутствия» посетители по своему желанию смогут пробираться по джунглям Амазонки, путешествовать в снегах Арктики, любоваться экзотической жизнью африканских саванн. Зоопарк станет самым современным музеем естественной истории XXI века. Идеи о создании музея или «нетрадиционного» зоопарка появились, когда несколько лет назад был отвергнут проект его перестройки. Этот старейший в мире зоопарк, существующий 164 года, сейчас близок к закрытию из-за недостатка средств на его содержание. Многим находящимся в нем сейчас животным грозит гибель.

Для создания зоопарка будущего необходимы 35 млн. фунтов стерлингов, а также спонсоры — правительство Англии берет на себя финансирование только исследовательско-проектных работ.

МОЖНО ЛИ ПЕРЕСТРОИТЬ ЖИВОТНЫЙ МИР

И. ЧЕСНОВ, кандидат сельскохозяйственных наук

Американскую норку впервые завезли в Ханты-Мансийский округ в 1935 году. Партию из 72 норок выпустили в верховьях р. Конды на территории Кондососьвинского госзаповедника. Зверьков привезли осенью, всю зиму подкармливали, и они хорошо пережили трудный период года. С весны 1936 года норки стали расселяться, заняли много новых речек. Стадо переселенцев быстро возрастало. Сотрудники заповедника в марте 1939 года определили поголовье норок в 300 голов. Было решено отловить там партию зверьков для расселения в других районах округа. Однако охотники, посланные летом 1940 г. для отлова норок, их не обнаружили. Норки исчезли! Почему? Осталось загадкой.

Причины неожиданного исчезновения невозможно установить, не зная, что представляет собой процесс вживания вида на новой территории. А он в то время был совершенно неизвестен.

Много лет спустя, когда список неудачных перемещений диких животных значительно пополнился, мне пришлось взяться за изучение явления акклиматизации — процесса вживания нового вида, переселенного на новую территорию.

Но сначала о том, зачем стали переселять диких животных.

В 30-х годах страна жила под лозунгом реконструкции. Реконструировалось все: промышленность, сельское хозяйство, образование, культура, быт. Было бы странным, если бы поветрие реконструкции не затронуло бы природу. И оно затронуло, коснувшись в первую очередь животного мира. Биологам самонадеянно показалось, что они могут перестроить в лучшую сторону фауну отдельных районов и всей страны. Цели ставились самые благородные: обогатить животный мир для блага советского человека.

А началось все с ондатры. Этого американского грызуна завезли в СССР в 1928 году, расселили по нашей необъятной стране, и везде ондатры прижились, везде освоились. Много миллионов шкурок получено от нее. Ондатра стала запалом для бомбы реконструкции животного мира.

И тут пошло... В страну завезли нутрию, американскую норку, скунса, енота-полоскуна. Переселили с Дальнего Востока в европейскую часть страны енотовидную собаку и пятнистого оленя. Биологам-мичуринцам этого показалось мало. Они предложили завезти в страну совсем уж ненужных нам животных: большую панду, которая питается только бамбуком, кузу-пису — сумчатое из Австралии, ильку — американскую куницу, мех которой хуже, чем у наших отечественных куниц.

Не оправдались «теории» лысенковцев о приобретении животными приспособительских признаков и передаче их по наследству. Большинство привезенных видов не прижилось.

Иногда вселение новых видов все же удавалось. Это происходило, когда условия мест выпуска не очень сильно отличались от условий родины. Взять енота-полоскуна, завезенного из Северной Америки. Он предпочитает селиться возле озер, ведь в его питании преобладают раки и лягушки. Енотов

выпустили на Кавказе, в Белоруссии и на Дальнем Востоке. В последних двух районах еноты не прижились, а на Кавказе образовали прочный очаг обитания. Условия жизни енотов на Кавказе иные, чем на родине. Зверькам приходится жить в горных лесах, где нет ни раков, ни лягушек. Нужно довольствоваться другой пищей, в поисках которой еноты тщательно обследуют каждое дерево, каждый куст. Трудно уцелеть гнезду пичужки, будь оно на дереве или на земле. Потому и безмолвны леса, занятые енотами. Вроде бы ничего страшного, можно жить и без птичьего гомона. Но дело в том, что еноты, истребив птиц, нарушили природный механизм подавления лесных вредителей. Каждую минуту может нагрянуть беда для «зеленого друга». Вот какие непредвиденные последствия могут быть от вселения нового вида.

Даже ондатра, вселение которой считалось безвредным, не так уж безвинна. Любимым кормом ондатр являются сладкие почки и молодые побеги тростника. Когда ондатр много, они их истребляют полностью, достается и корневищам. В итоге тростниковые заросли гибнут, озера приобретают гнетущий, безжизненный вид. В лесостепи Западной Сибири другим неожиданным последствием вселения ондатры стало ее участие в передаче очаговой инфекции — омской геморрагической лихорадки, которая до появления ондатры там не проявлялась. И еще один «грех» присущ ондатре: в местах обитания выхухоли она вытесняет из озер этого редкого зверька, занесенного в Красную книгу.

Бывали случаи, когда вселение нового вида удается частично, т.е. в одних районах он приживается, в других — нет. Сюда относится случай с завозом американской норки в нашу страну.

Хищный зверек из семейства куньих — американская норка живет в Северной Америке. Норка ведет полуводный образ жизни, она тесно связана с речной стихией. Питается рыбой, мышевидными грызунами и другими мелкими животными. Но главная ее пища — рыба, которую она ловко ловит в воде. Живет норка около небольших, не замерзающих зимой речек с захлапленными берегами, богатых рыбой. Гнезда делает в норах, устраиваемых в берегах. Молодые, количеством до 5-7 в выводке, появляются в конце весны. За лето они вырастают, осенью их уже трудно отличить от взрослых.

Норка обладает красивым и прочным мехом темно-коричневого цвета, пользующимся высоким спросом для изготовления женской одежды: шапок, воротников, шуб. Чтобы удовлетворить высокий спрос на норочный мех, американскую норку стали разводить в клетках на зверофермах. Клеточное норководство распространилось из Северной Америки в Англию, Швецию, Норвегию и другие страны Западной Европы. В СССР американскую норку разводят на зверофермах с 1930 г.

В европейской части страны обитает местная европейская норка. Раньше она была распространена и по зарубежной Европе, почему и называется европейской. Но она давно там исчезла, уцелела лишь в нашей стране. Поэтому многие биологи считают, что ей лучше подходит название русской норки. Русская норка несколько мельче американской, мех ее более светлый. У американской норки белое пятно имеется лишь на горле, а у русской — еще и на верхней губе. Но в целом образ жизни их отличается мало, хотя они относятся к разным видам и не скрещиваются. Американская норка, как более сильный конкурент, вытесняет русскую из ее местообитаний.

Русская норка распространена на восток только до Урала. Это «упущение» природы решено было исправить, заселив Сибирь американской норкой. В то же время некоторые биологи считали, что американскую норку нужно выпускать и в ареале русской, чтобы заменить местную норку, имеющую менее ценный мех. К сожалению, это делалось вопреки интересам охраны природы.

Американскую норку стали выпускать в нашей стране с 1933 г. До войны ее поселили в Татарии и Башкирии, Красноярском крае и на Дальнем Востоке. После войны масштабы расселения и география выпусков значительно расширилась. Всего в стране было расселено свыше 20 тысяч голов. Норка прижилась не везде и с разным успехом. Хорошо она освоилась на Дальнем Востоке, в Приморском и Хабаровском краях. Там заготовлены сотни тысяч норочьих шкурок. Удачны выпуски на Алтае, где она расселилась по всему горному краю. Там ее не только добывают на шкурку, но отлавливают для расселения в других районах. Удачное заселение американской норки на Дальний Восток и Алтай послужило основанием для выпусков в других районах Сибири. Норку завезли в Якутию, Восточную Сибирь и в таежную часть Западной Сибири. Выпуски окончились неудачей или не дали ощутимого эффекта.

В Ханты-Мансийский округ американскую норку впервые завезли, как уже говорилось, в 1935 г. в верховья Конды. Выпуск окончился неудачей. Вторую партию норок выпустили в 1937 г. в Сургутском районе в верховьях реки Аган в количестве 56 голов. Зверьки были клеточные, за время долгого пути сильно ослабли. Выпускали их после ледостава в полыньи и отдушины. По-видимому, уцелели из них немногие. Обследование в 1942 г. показало, что норок мало, не более полусотни.

В 1940 г. третью партию норок, 93 головы, выпустили в южной части Сургутского района, в бассейне р. Юган. Зверьки также были клеточными, их тоже выпустили поздней осенью, после ледостава вблизи дер. Рыскины. По словам очевидцев, часть выпущенных норок вернулась в деревню по санным следам. Некоторых удалось спасти и снова увезти на речку, других растерзали собаки. Следы норок стали попадаться лишь через несколько лет.

Несмотря на неблагоприятные условия выпусков, норки в Сургутском районе уцелели и образовали два очажка: аганский и юганский. Рост численности зверьков в них шел медленно, их стали добывать на шкурку лишь в конце 40-х годов. Аганский очажок находился в более благоприятных условиях. Река Аган протекает по сильно заболоченной равнине, имеет густую сеть притоков с незамерзающими зимой участками. Водоемы здесь заселены ондатрой, полакомиться которой норки не прочь. Мало выдры — конкурента и врага норок. В бассейне Югана притоков меньше, озер почти нет, ондатра редка, а выдра встречается повсеместно. Поэтому и норок здесь меньше. Судя по результатам промысла, численность норок в юганском очажке в четыре раза меньше, чем в аганском.

Более или менее удавшееся вселение американской норки на Аган и Юган способствовало продолжению работы по ее акклиматизации на севере Тюменской области. В 50-х годах спрос на норочий мех резко упал, цены на шкурки снизились, норок разводить на зверофермах стало невыгодно. поголовье норок со звероферм стали выпускать на волю. Около 600 норок было выпущено из совхозных звероферм Шурышкарского, Березовского и Уватского районов. Все выпуски окончились безрезультатно. Не имели эффекта и выпуски диких норок. В 1951-1952 г.г. по р. Назыму в Ханты-Мансийском районе выпустили 51 норку, которых отловили на Агане. При последующих обследованиях норок не обнаружено. Только в последние годы, спустя 40 лет после выпуска, норки на Назыме стали попадаться в капканы охотников. Летом 1955 года 18 норок, отловленных на Агане, выпустили по р. Пим. В последующие годы следов обитания норок в местах выпуска не обнаружено.

Возникает вопрос: почему американская норка прижилась на Агане и Югане, но не уцелела на Конде, Назыме, Пиме и в других местах Северного Приобья? Ответ, на наш взгляд, заключается в зимних условиях мест выпусков. Ведь речки для выпусков норки обследуются летом. Конечно, выбираемые речки богаты рыбой в летнее время, имеют хорошие берега для устройства нор, на них нет выдры или ее мало. А зимой? Может ли норка жить там зимой? Зима — самое трудное и неблагоприятное время для норки, ей не выжить, если в реке нет рыбы или она недоступна из-за сплошного ледового покрова.

Кроме того, на таежных речках Западно-Сибирского Севера дело усугубляют заморы, когда в середине зимы почти полностью исчезает кислород из воды. В заморной воде рыбе нечем дышать, она или гибнет, или уходит в те места, где есть родники-живуны, так как родниковая вода богата кислородом. Когда на реке много живунов, на ней образуются полыньи и промоины. Полыньи дают возможность норкам нырять за рыбой, которая скапливается у живунов. Незамерзающие живуны есть на реках верхнего Агана, потому там и смогли выжить норки. Меньше живунов на Югане — соответственно там меньше норок. По-видимому, условия для зимнего обитания норок неблагоприятны на Конде, Назыме, Пиме и в других местах выпусков норки. Нет либо рыбы, либо полыней, либо того и другого вместе.

Практика вселения американской норки показала, что акклиматизация нового вида удается не всегда, чаще не удается. Это противоречило господствующей лысенковской доктрине, что животные в новых условиях адекватно изменяются и передают эти изменения по наследству. Американская норка «не захотела» адекватно изменяться и передавать приобретенные адаптации потомству. В неподходящих для жизни условиях норки попросту вымирали. По-видимому, новый вид нужно выпускать только в свойственные для его обитания места. Это важное требование не всегда выполнялось при вселении новых видов, в должной мере не учитывалось, что условия обитания переселенного вида должны быть аналогичны условиям его родины. Таких условий в Ханты-Мансийском округе для американской норки не нашлось, и потому акклиматизация этого вида практически не удалась.

В то же время акклиматизация ондатры в стране и, в частности, в Ханты-Мансийском округе оказалась чрезвычайно успешной, хотя условия новых мест вовсе не были похожи на условия ее родины. Значит, дело не только в аналогичности условий, но и в свойствах самого вида. Ондатра была очень пластичным видом, способным жить в самых различных условиях. Однако успех акклиматизации ондатры (да и всякого другого вида) объясняется не только свойствами вида, но и характером животного населения, с которым входит в контакт новый вид. Если он не встречает конкурентов, т.е. нужное ему место под солнцем («экологическая ниша») не занято другими животными, то вселение имеет много шансов на успех. Отсюда следует самый важный вывод. Акклиматизация — это процесс, затрагивающий не только всеяемый вид, но и его животное окружение.

Для понимания акклиматизации во всей ее сложности не обойтись без системного подхода к явлениям природы. Природа построена по принципу системности¹. Биологический мир представляет собой сложное взаимосвязанное образование, состоящее из нескольких уровней жизни: молекулярно-генетического, организменного, популяционного, биоценотического. Каждый из уровней имеет свои функционально-структурные особенности и представляет собой систему, являющуюся элементом системы более высокого ранга. Главные свойства биологических систем — самовоспроизводство, саморегуляция, устойчивость, надежность, адаптивность — обеспечивают постоянство существования системных объектов. Биологические системы обладают внутренним равновесием и равновесием с окружающей средой. Под системным подходом понимается концепция исследования системных объектов как целостных образований, функционирование которых определяется взаимодействием составляющих их элементов. Системный подход к акклиматизации дал возможность увидеть, что представляет собой акклиматизационный процесс, понять, что, как и почему в нем происходит. В системном аспекте процесс вселения нового вида предстает, во-первых, как явление, захватывающее уровни жизни, начиная от молекулярно-генетического до биоценотического, а во-вторых, как переходный от одного состояния систем к другому. Равновесная структура биоценоза нарушается введением нового вида. Из-за отсутствия регулирующих (сдерживающих) факторов численность нового вида быстро возрастает, пока позволяют кормовые ресурсы. Вступают в действие регулирующие факторы (враги, конкуренты), которые резко снижают численность нового вида. Биоценоз преодолевает неравновесное состояние и восстанавливает равновесие с участием введенного вида. Из группы акклиматизирующихся особей формируется новая популяция, которая приобретает свойства, соответствующие условиям окружающей среды. Такова системная модель акклиматизации. Исходя из нее, легче понять воздействие нового вида на местный биоценоз. Прежде всего введенный вид дестабилизирует местное животное сообщество, снижая его устойчивость из-за ломки прежних взаимосвязей. Новый вид может замкнуть недостающее звено в цепи циркуляции очаговых инфекций, что вызывает вспышки болезней людей и домашних животных. Но самое опасное в акклиматизации новых видов животных — это вред охране природы. Ондатра вытесняет выхухоль, американская норка — русскую, енот-полоскун истребляет птиц — вот далеко не полный перечень вредных последствий отечественной практики акклиматизации. Много примеров дает зарубежный опыт. Индийский мангуст истребил на островах Карибского моря редкий вид ящерицы. Нильский окунь, запущенный в оз. Виктория, уничтожил местные виды рыб. Из фауны Новой Зеландии исчезли десятки видов местных пернатых, вытесненных привезенными животными. По данным ЮНЕСКО, в мировом масштабе акклиматизация новых видов грозит исчезновением 127 видам позвоночных животных.

Таким образом, акклиматизация новых видов животных — опасное и вредное дело для нашей природы. Нужно спасать местные виды от преступной деятельности акклиматизаторов, не допустить вселения в страну новых видов животных, какими бы привлекательными чертами они ни обладали. Необходим закон, запрещающий акклиматизацию в России инородных животных.

На снимках: ондатровая хатна; мелководное пойменное озерко.

СЕНОКОСНАЯ СТРАДА

По окончании варовой поры предстояла новая большая работа — заготовка корма для скота на зиму. Постоянных сенокосных угодий у жителей Сургута не было, каждый хозяин выезжал за Обь и подыскивал себе участок с хорошим травостоем поближе к реке Полуй, Гусиному истоку или Свиной курье. Облюбованный участок отмечался прокосами с трех сторон — это означало, что он занят.

Отпраздновав Ильин день, выезжали на сенокос семьи, брали с собой продуктов на неделю. К этому времени уже поспевал картофель, овощи, увозили в четвертях молоко, в туюсах из бересты — сметану и простоквашу. Все скоропортящиеся продукты укрывали от солнца в земляных ямах. Брали еще запасенную в варовую пору рыбу (щуку, окуня), ели ее отварной, с картошкой. А чтобы была свежая рыба, ставили в речку одну-две сетки.

Сразу по приезде на покос ставили глухой балаган. Сначала втыкали в землю две стойки-рогатины, на них клали поперечную жердь-матку и со всех сторон к ней ставили под углом жердочки и приплетали тонкими веточками тальника или черемухи. Затем внутри балагана сооружалась из травы постель. Снаружи на стожарья со всех сторон накладывалась толстым, не пробиваемым дождем слоем свежескошенная трава, оставлялся только небольшой лаз, который закрывался охапкой сена. В глухом балагане сон был крепкий, т.к. в него не попадали комары и не доносилось их «пение» снаружи. В нем было хорошо укрываться и в ненастную погоду. Поэтому и часть продуктов (хлеб, сахар, соль) хранилась в углу балагана.

Косить траву выходили с рассветом, еще до восхода солнца — по росе она скашивалась легче. Первые несколько дней косили с утра и до позднего вечера. Утрами и вечерами косили на гривах пырей, а после завтрака, когда поднималось солнце и обсыхала от росы трава, шли косить в низинах осочку с разнотравьем.

При солнечных и ветреных днях трава быстро подсыхала — тогда после завтрака брали грабли, вилы и шли убирать кошенину. Каждый граблями скручивал траву прокоса в валок, и когда набиралась охапка, подхватывал ее с одной стороны рукой, а с другой — граблями и нес к месту, где складывалась копна. Валки укладывались крест-накрест на высоту поднятых рук, копна завершалась пластом сена, взятого на вилы. Снизу копна подбивалась черешком вил. Вилы тогда делались из березы двухрогие, они были разных размеров — например, вилы с коротким черешком служили для того, чтобы вершить копны.

Поскольку луга были большей частью заливные и почва после спада воды оставалась влажной, стога метали на проходные стожарья. К стожарьям на ширину стога накладывали слой срубленных талин, чтобы сено лежало не на сырой земле, а на подстилке. Копны переносили к стогу вручную на длинных носилках — березовых жердях, очищенных от коры, обструганных и обтесанных на концах. Носилки подсовывали под копну. Первые четыре копны ставились к стожарьям на подстилку, по две с каждой стороны. На них перевертывали следующие четыре копны основаниями к боковой поверхности стога. Следующие 6-7 копен приносили и ставили вокруг начатого стога. Сено из копен вилами перекидывали на стог, на котором стоял тот из членов семьи, кто был поменьше и полегче. Он принимал с вил пласты сена на грабли, придерживал второй рукой — пласт переворачивался и укладывался на нужное место. Постепенно стог суживался со всех сторон, и верхушку его завершал пласт свежескошенной травы, который хорошо придавливал сено и предохранял его от дождя.

Те из жителей Сургута, кто имел плавные сети, занимали сенокосные участки за Обью напротив села еще до возвращения рыбаков с варового лова. В этом месте берег Оби был отлогий, песчаный и чистый, что позволяло ловить ценную рыбу, поднимающуюся в верховья, в вечернее и ночное время плавными сетями.

Чтобы прокормить скот осенью, до ледостава и установления санного пути через Обь, сено заготовливали еще за речкой Черной. Сметывали его в один большой стог, который огораживали изгородью от пасущегося здесь скота. Вывозили его после того, как речка покрывалась прочным льдом и выпадал снег. Этого сена хватало до установления зимника через Обь.

Страдная пора длилась в течение августа и при неблагоприятной погоде заканчивалась в начале сентября. После сенокоса начинался осенний лов рыбы и готовили «пол» для весеннего лова. Добывали рыбу у ключей из-под льда, замораживали, делили между собой. Это был запас для семьи на зиму, а если появлялись излишки — сдавали в кооперацию. На этом лов рыбы прекращался. Болотные речки несли насыщенные гумусовыми веществами и обескислороженные воды в Обь. В это время начинался загар, рыба скатывалась к горным притокам в нижнее течение Оби, а самовары и чайники от такой воды получали светло-коричневый осадок.

А. Кузнецов.

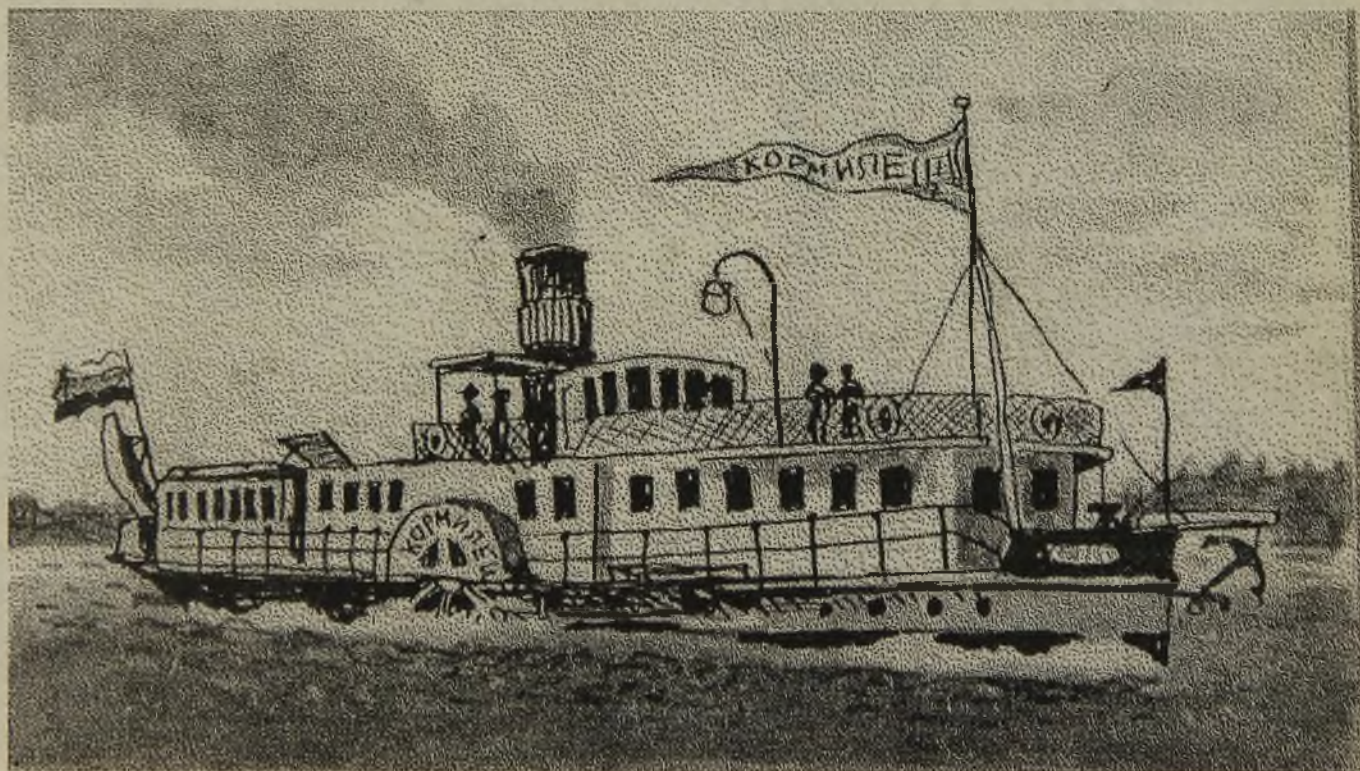

РАЗВИТИЕ ПАРОВОГО СУДОХОДСТВА НА ИРТЫШЕ

Способы передвижения по рекам Иртыш и Обь были разнообразны. В одних случаях лодки тянули с берега с помощью лямки, в которую впрягались лошади или люди. В других шли на веслах или на шестах. Наконец, при наличии попутного ветра шли с парусом. Перевозили одежду, обувь, хлеб, меха, рыбу, кожу, инструменты и т.д. Были и плоскодонные, длиною в 20 и более метров дощаники, и маленькие шитики, и средних размеров шнявы и струги. На ладьях и баркасах плавали служивые люди: приказные, стрельцы и сборщики податей.

Тобольск, занимавший ключевую позицию на пути по Иртышу к Оби, стал центром, где строились и оснащались такелажем дощаники, идущие в далекие северные края. Строились они также в Тюмени и Туринске.

Кроме постоянных плотников, к «судовому делу» привлекались на основании обязательной повинности жители городов и крестьяне. Всех их к тому же заставляли работать на судах гребцами или бурлаками при тяге с берега, а также выполнять

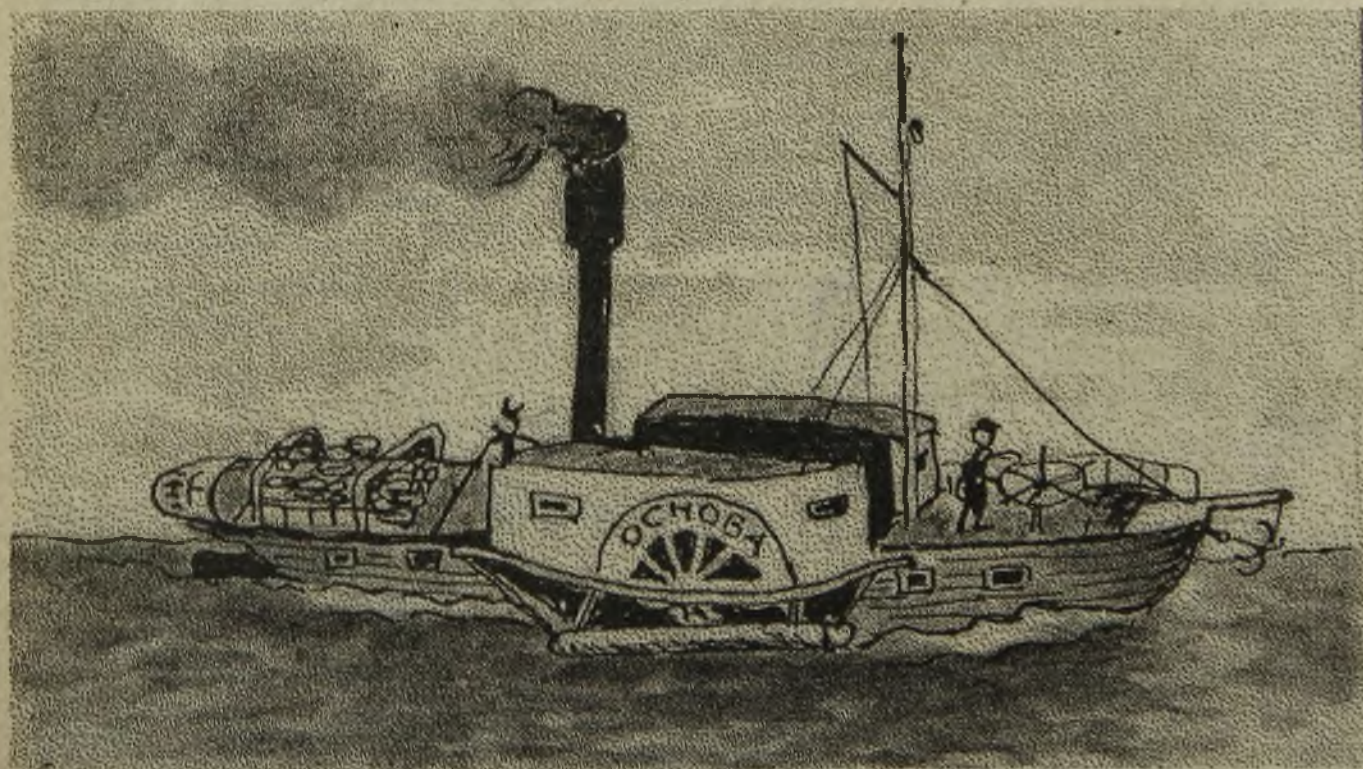

погрузку и разгрузку товаров. Транспортная повинность тяжелым бременем ложилась и на плечи коренного населения — хантов, манси, ненцев. Пароходы в Обь-Иртышском бассейне появились только во второй половине XIX века.

В один из жарких июльских дней 1834 года в Нижний Новгород прибыл из Тюмени купец II-й гильдии Наум Тюфин. Он тотчас же направился к своему родственнику, местному купцу I-й гильдии Сомову. Человек решительный, весьма предприимчивый и снискавший особую популярность приверженностью к различного рода новшествам, Тюфин и на этот раз остался верен себе. В Нижний Новгород его привело желание как можно скорее осмотреть построенный Сомовым пароход «Выкса», снабженный машиной мощностью в 28 лошадиных сил. Пароход этот уже сделал несколько рейсов по Волге. Тщательный осмотр «Выксы» убедил тюменского купца в том, что подобный пароход был бы крайне полезен для перевозки различных товаров по рекам Туре и Тоболу.

Строительные работы затянулись и только в начале 1837 года в Туринской Слободе, близ Тюмени, развернулись работы по сооружению деревянного корпуса будущего судна. Было определено, что его будет приводить в движение машина в 30 л.с. Тюфин, видимо, хорошо понимал смысл того, что он решил сделать, так как заранее дал своему будущему детищу название — «Основатель». Достраивался этот пароход уже весной 1838 года и обошелся Тюфину в 8 тысяч 270 рублей серебром, что по тем временам было очень дорого.

Любопытно и то, что в последний момент работы над пароходом произошли два изменения. Машина была заменена на более мощную — 50 л.с., и неожиданно пароход получил другое название. Это случилось при довольно курьезных обстоятельствах. Монах, которому было поручено написать краской название парохода на колесном кружале («сияний»), не имея опыта в подобных делах, не смог рассчитать размеров букв. В результате последние четыре буквы у него не вошли, и, таким образом, случайно получилось новое наименование — «Основа». Пароход имел

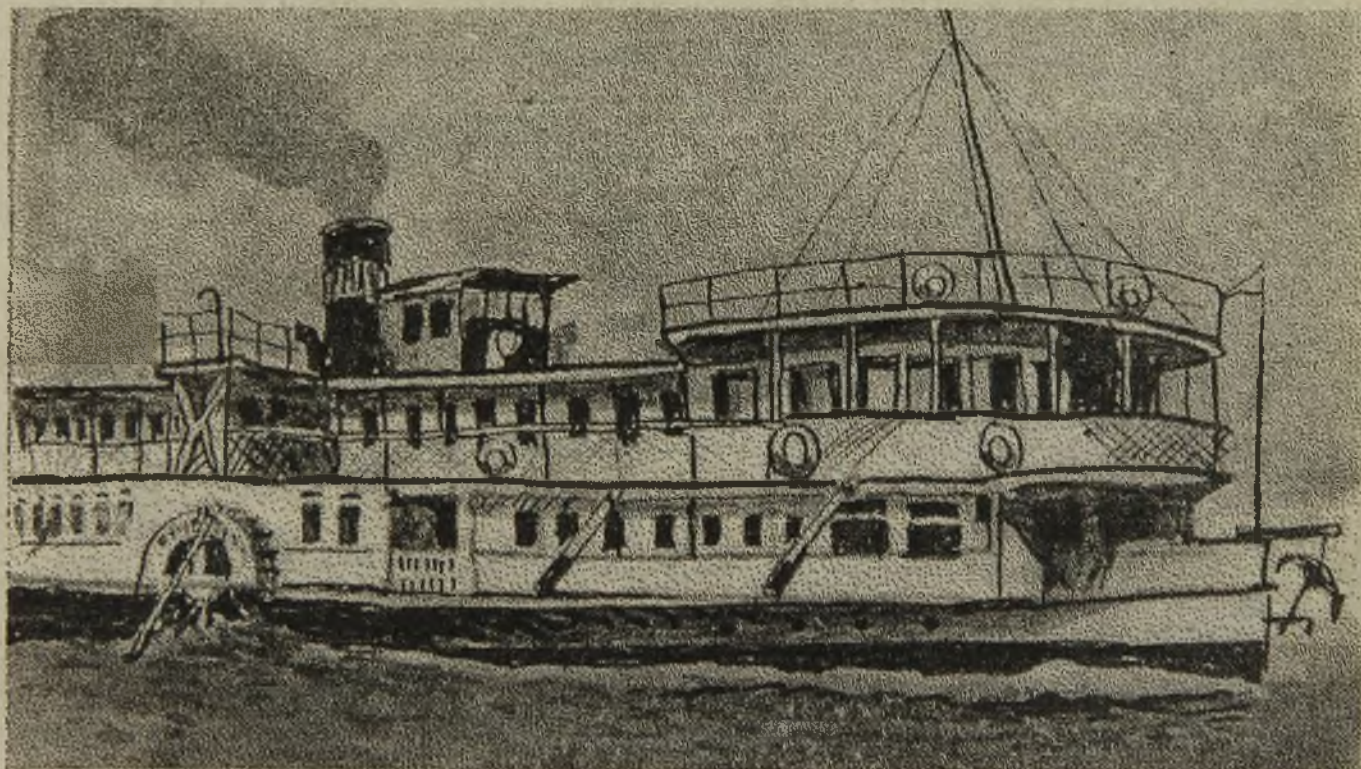

много недостатков, прежде всего он обладал плохой остойчивостью, был валкий. Это происходило из-за того, что в котлах вода расходовалась неравномерно. Поэтому для повышения остойчивости парохода к кожухам его гребных колес были приделаны деревянные плавники-бревна. А позже крен стали устранять грузом в тачке, катая его то на левый борт, то на правый. Ручной штурвал представлял огромное деревянное горизонтальное колесо, открыто стоявшее прямо на палубе. Никакой штурвальной рубки не было. Топливом служили дрова. Пароход передвигался со скоростью пешехода. Из-за поломок плавание парохода оказалось неудачным, поэтому в течение нескольких навигаций «Основа», находясь в аренде у разных купцов, перевозила их товары вблизи Тюмени. Затем пароход купил Поклевский-Козелл — видный чиновник главного управления Западной Сибири. Новый владелец значительно его усовершенствовал, и с 1844 года он стал совершать дальние рейсы.

Хотя пароход появился в Сибири на 23 года позже, чем в Европейской части России, но коммерческое (грузовое) пароходство возникло почти одновременно: в Европейской России — в 1842 году, в Сибири — в 1843. В одной из газетных статей того времени выражалась такая мысль: «Польза пароходов многозначительна и очевидна. Пароходы не останавливает ни противный ветер, ни противное течение воды, ни буря. Для парохода с баржами нужен только фарватер». Ввиду этих достоинств число лиц, заинтересовавшихся пароходами, резко возросло. В 1860 году был совершен первый рейс от Туринска через Тюмень в Тобольск и далее по Оби в Березово. В 1861 году курганский купец Ф.Шишкин совершает на 25-сильном пароходе дерзкое плавание вверх по реке Северная Сосьва до Ляпина, расположенного в 750 км. от Березова. Перевозка пассажиров производилась на баржах, везли преимущественно арестантов и переселенцев, ехавших в Сибирь в поисках лучшей жизни.

С 1871 года некоторые компании начали перевозить пассажиров непосредственно на буксирных судах. В связи с этим началось разделение пароходов на буксирные и буксиро-

пассажирские. Именно о такого рода перевозках пассажиров неоднократно писали газеты того времени. В одной из них говорилось: «Пароход был набит битком пассажирами разных полов, возрастов и званий, была теснота и давка. Холодный ветер с дождем пронизывал всех насквозь. Искры от паровой трубы обжигали головы и руки пассажиров. В 10 часов вечера была поставлена бутылка из-под зельтерской воды со вставленным в нее салым огарком — это освещение парохода». Некоторые буксиро-пассажирские суда имели пассажирские каюты в трюмах.

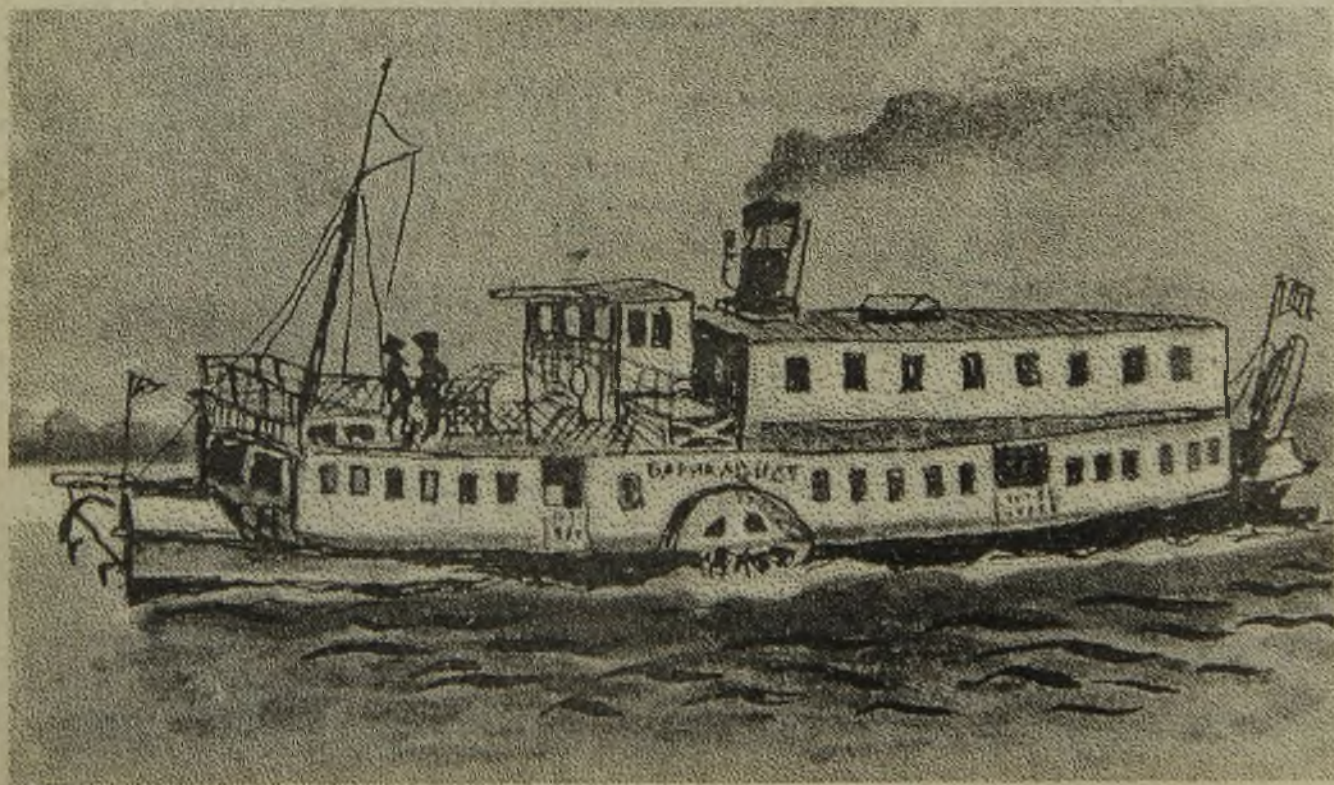
В 1892 г. по заказу купчихи Мельниковой был построен первый пассажирский пароход «Кормилец», предназначенный только для перевозки пассажиров. Скорость его была 20 верст в час. В 1899 г. начал плавание еще один пароход В.Е. Ельденштейна «Евгений», который был двухэтажным. Каюты были I и II класса, находились на втором этаже. В носовой части имелся роскошно отделанный салон и столовая I класса, в кормовой — столовая и салон II класса. Это был первый пароход американского типа. Наиболее крупными пароходоладельцами являлись товарищество Курбатова-Игнатовых (15 пароходов), фирма «Корнилова наследницы» (11 пароходов), торговый дом «Плотников и сыновья» (9 пароходов), товарищество Богословских горных заводов (9 пароходов).

25 января (8 февраля) 1918 г. был подписан декрет о национализации флота. Флот перешел в руки государства. После национализации всем судам были присвоены новые наименования. Например, «Святой Николай» был переименован в «Коммуниста», позднее в «М. Калинина», «Иван Корнилов» — в «Карла Либкнехта».

Все пароходы до 1938 г. работали на дровах, затем на угле и после, примерно с 1957 г. — на жидком топливе (мазут). Дрова зимой для пароходов специально заготавливались. Такой пароход, как «М. Калинин» (800 л.с.), жег 120 кубометров в сутки. Запаса хватало на 2-3 дня. Этот же пароход сжигал за сутки угля 18 тонн.

Рис. автора.

А. СУРГУТСКОВ

В юрте остяка

К. НОСИЛОВ

Не помню, за три или четыре станции до г. Березова, куда я в прошлом году спешил к Рождеству, со мной случилась неприятная история.

Короткий зимний день уже кончился, наступили серые сумерки, когда мы с ямщиком тихонько тащились на тройке лошадей, запряженных гусем, по-сибирски, — одна лошадь за другой, — по узкой дорожке вдоль необозримой реки Оби; я дремал, сидя под теплой кошмой, ямщик посвистывал на лошадей, покрикивал на них, как вдруг, чувствую, лошади дернулись и понеслись.

— Что такое? — кричу ямщику, сидевшему в мохнатом вывороченном тупупе, открывая кошму.

— Волки, барин... Волки гонятся...

— Где, где? — силюсь я приподняться с сиденья и освободиться от кошмы и шубы, которые совсем связали мне руки.

Но ямщик молчит и только возится в темноте с целой кучей вожжей, чтобы лошади не мяли друг друга, стараясь опередить друг друга, заслышав за собой волков.

— Держи лошадей, — кричу я ему, — остановись, стрелять буду... — Но он ровно ничего не может сделать с уже обезумевшими лошадьми.

Я выхватываю патронный штуцер, делаю выстрел-два на воздух, но это, оказывается, еще хуже; лошади окончательно подхватывают мою легкую кошевку; коренная начинает лягать в передок; я слышу эти удары; ямщик валится ко мне на колени и давит меня, лошади бешено несут, и я не знаю, что бы с нами дальше было, если бы вдруг не показался в стороне от дороги красный огонек, и мы не свернули туда по боковой дорожке и не примчались прямо к огню, который слабо тянулся в ледяном окошечке остяка-рыболова.

Мы чуть не влезли в самую юрту остяка с размаху, чуть не выломали этого спасительного ледяного окна, и, должно быть, наше неожиданное появление с колокольчиками, бубенцами под самым окном жилища рыболова порядочно-таки его напугало, потому что не успели мы опомниться, как все обитатели этого жилья моментально выскочили во двор и окружили нас, спрашивая, что случилось, и недоумевая, откуда мы взялись.

Я выскочил со штуцером из кошевки; но волков уже не было видно, и около нас самым мирным образом скакали четыре мохнатых собаки, то ласкаясь к хозяевам, то оглушая нас своим лаем и не давая возможности ни спросить, ни ответить. Лошади так напугались волков, что еще бились в построумках, ямщик никак не мог со страху освободиться от своей яги, и мы только уже минут через десять, наконец, успокоили лошадей и, поставив их в загородку, где стояла у остяка пара оленей, стали спрашивать остяка — где мы, у кого, можно ли нам зайти обогреться с дороги, далеко ли станция и прочее?

Малорослый остяк в какой-то оленьей малице, без шапки, оказавшийся хозяином этой юрточки, обложенной и занесенной снегом вместе со своим тынковым крыльцом, приютившейся и одиноко стоявшей на крутом берегу могучей Оби, бросая на нее слабый свет маленького огонька через свое ледяное оконце, так радушно звал нас в свою хижину, что можно подумать, будто мы для него желанные гости.

Я приказал ямщику принести свой саквояж и чайник; остяк услужливо захватил подушку и кошму; и мы, под его руководством, влезли в маленькие сани, ощупью добрались до дверей и,

наконец, влезли в низенькую юрточку, где уже в углу, в чувале, что-то вроде камина, пылали сучья ивняка, освещая все жилище красным неровным светом пламени.

Боже! Какая маленькая юрточка у этого бедного рыболова, и как в ней весело при этом свете очага, как в ней уютно после однообразной дороги по льду реки с бесконечными высокими берегами, покрытыми лесом, где только редко-редко, верст через тридцать-сорок, можно встретить живого человека, лом, огонек, какое-нибудь бедное жилище дикаря или русского, заброшенного волей судьбы. Она вся, начиная с крыши, которая служит потолком, и кончая промерзшими от мороза углами, полна этого веселого света, она вся так и волнуется от теплых лучей, сияет, словно обрадовавшись вместе со своим радушным, как все остяки, хозяином, который проеит нас раздеться и поскорее присесть к чувалу, согреться от мороза, отдохнуть от испуга, видя, что мы еще не оправились от неожиданной неприятности.

Мы следуем его совету, садимся к огню и скоро согреваемся и потом, передавая, как гнались за нами волки, начинаем смеяться тому, как нас понесли лошади, как мы стрепяли понапрасну, совершенно забыв даже ту опасность, которой мы только что несколько минут назад подвергались, если бы нас выкинули лошади в наших мохнатых шубах прямо в пасть голодных волков.

Теперь нам все кажется только смешным, веселым, и мы так хохочем вместе с хозяином юрочки над своим приключением, что только вздрагивает юрточка.

Наш добродушный, веселый хозяин живет с целой семьей в этой берлоге; о нашем дорожном медном чайничке он заставил хлопотать свою маленькую дочь, насчет наших лошадей он дал распоряжение своему сыну, подростку Юсе. В одном углу его юрты кто-то еще по временам копошился под шкурой оленя, изредка поднимая из-под нее свою темную, всклокоченную голову, видимо, не желая для нас окончательно расстаться с теплым одеялом. Благодаря этим распоряжениям, наш чайничек быстро вскипел, лошади были в покое и с кормом, и мы так весело принялись за чай, пригласив к нашему чайничку хозяина, как словно с нами ничего не было неприятного, отчего мы сюда попали, и даже забыли самих волков.

Скоро мы позабыли окончательно наше дорожное приключение, и разговор зашел о том, как живет остяк и как идут его промыслы.

Оказалось, что нашего хозяина зовут Пензером, что он страстный охотник, что он нарочно уехал из юрт других остяков в эту тущобу для охоты и рыбной ловли, что в его лесу есть и лисица, и горностаи, и рысь, и даже медведь, что в его реке много разной рыбы, и все поселенцы, за исключением маленького «пырыча» — сына, каждый день ходят на лыжах то по лесу, то по реке, промышляя зверя и рыбу. И чтобы доказать нам, как они промышляют, он сказал что-то по-своему Юсе. Юся моментально выбежал из юрочки, хлопнув дверью так, что задрожали стены, и через минуту явился гордо со связкою каких-то шкур и подал их отцу.

Пензер взял их, встряхнул, и перед нами оказался целый десяток пушистых лисиц с громадными пышными хвостами; шкурки повисли до самого пола чуть не с потолка. Прекрасные шкурки с белыми брюшками, с беловато-желтыми горлышками так и горели красными спинками перед огнем камина, и мы невольно засмотрелись на эту роскошь бедной хаты остяка-зверолова.

Но наше удивление еще более возросло, когда Юся втащил за собой в юрту, вместе с целым облаком холодного пара из сеней, громадную шкуру белого медведя.

— Медведь, — вкрикнул мой ямщик от удивления.

— Он, — ответил важно остяк, — было с ним греха...

— Что такое? — спросил я.

— Поверишь, барин, едва не слопал парнишку...

— Юсю? — спросил я.

— Его.

Я смотрел на мальчика; Юся стоял, не спуская глаз со шкуры медведя, видимо, довольный, что он в наших глазах является героем.

Я спросил:

— Как так? Давно ли?

— Всего вот какая-нибудь неделя будет... Послал я его на речку, запор посмотреть... Рыбу мы там запираем, ловим в морды... Верст пять отсюда будет. Взял он с собой собаку, надел лыжи, захватил саночки, чтобы, если рыба попала, домой притащить, — и пошел. Я советовал ему сестру взять, да он не взял. — «Дай, — говорит, — тятя, мне пицаль (ружье так зовут остяки), может, белку дорогой подстрелю»; я дал и проводил его. Ну, проходит этот день коротенький, — велик ли ноне день? — пришел вечер, а парня все нет. Где он? — думаю. Сижу, вечераю — его все нет. Ну, подумал я, подумал; решил, верно, за соболем по следу удариться с собакой, — собака моя хорошо его следит. Подумал, посидел так до полуночи и лег спать. — А с ним что случилось? Бежит это он по реке на лыжах, вдруг, смотрит, след его, — указал нам остяк-хозяин на медвежью шкуру, — след, вот, вот только что перед ним прошел по реке и поднялся на берег... Посмотрел парнишка, пощупал, видит, — след свежий...

Надо бы ему воротиться за мной да сказать, а он говорит себе: — «недалеко запорыто, добегу, осмотрю, возьму рыбу, ворочусь домой и скажу». Побежал это он, добежал до запора, разгреб снег, прорубил лед, вытаскивает морду, смотрит, а собака вдруг от него бросилась и побежала к медведю. Смотрит, а он бежит прямо к нему, такой высокий, худой, даже и на собаку не смотрит...

Схватил он топор, видит — дело плохо, ружье-то было не заряжено, что он с ним поделает? Стап на лыжи и давай от зверя бежать по реке вверх... Бежит, бежит, а тот все от него не отстает, собака его рванет сзади, рванет, он даже, братец мой, и не смотрит на нее, до того оголодал.

— Откуда же медведь взялся зимой? — спрашиваю я.

— А это, барин, голодный, больной шляется зимой: здоровый ни за что не выйдет из берлоги. А эти, не то они так, хворые такие бывают, старые, не то объедаются мухоморов, что ли, осенью, только хотя и ложатся в берлогу, да как наступят морозы, как начнет их донимать, а жиру-то в них мало, они и пойдут шлаться по лесу голодные... Эти хуже всего, ничего не боятся, случается, — просто в избу к человеку живому лезут, вот какие...

— Ну, что же дальше? — спрашиваю я.

— Ну, бежал это Юся, бежал, видит, дело плохо и полез на дерево, ель такую выбрал, высокую, с сучками... Прибежал к ней, бросил лыжи и полез. Ловок он на это. Ну, только «н это залез, а медведь тут! как тут у дерева, и тоже на него лезет...

Мы затаили дыхание...

— Встал это он на задние лапы и тоже, было, полез за парнишком на дерево, только собака, — умная тоже, надо полагать, собака, не даром Бог ее человеку на подмогу послал, — возьми и рвани его сзади за ноги; он как на нее; «а-а-ррр», она и отскочит в сторону... Как он опять на дерево, она его опять за ноги. Ведь что? — не дает залезть, и только, а словить ему ее нельзя: собака ни в жизнь не поддастся тоже этому зверю, бйкая, увертливая... А парнишка мой забрался на самую вершину от страха, — так он его нпугал, бедного, — и там засел и сидит, ни жив ни мертв.

Мы посмотрели на Юсю, и тот потулился, хотя его глаза и доказывали, что он немного посмеивается над тем, что отец его считает трусом.

— Ну, сидел он, сидел, видит тоже, зверю подступиться к нему нельзя, собака его не дает в обиду, лишь бы только ему как не сорваться с дерева да не замерзнуть на нем за ночь; думает; «дай-ка я его стрелю...» Взял, зарядил ружье дробью, положил побольше пороху, прицелился, прижался к дереву, чтобы его не сбило ружье, да и хватъ его в голову...

— Убил? — спросил мой ямщик.

— Какое убил, тот только ушами немного встряхнул да рывкнул. Чего ему наша дробь сделает?

— Ну?

— Ну, посидел, посидел парнишка, видит — дробью его не возьмешь, пули нет, зарядил, однако, на случай пищаль и сидит на вершине, думает: — «как полезет, будет долезать, обрублю лапы ему, только и было»... А собака все сидит тут около. Полает, полает на медведя; как он за парнишком начнет подниматься на дерево, она его за ноги да и в сторону... Ведь не дала ему залезть; постоял тот у дерева, посмотрел на парнишку, отошел, проклятый, в сторону этак сажен на пять и лег; тоже думает: дождусь, убежит собака, съем парнишку и только... А сам такой худой, кожа висит на нем, лохматый... Лег он на снег недалеко и лежит, ворчит на собаку, а сам нет-нет да и посмотрит на парнишку... А тот забрался на самую вершину и сидит... Только вот смеркаться стало; вот и стемнело. Как стало темно, медведь снова поднялся тихонько с места, чтобы его собака не заметила, — а она, было, тоже легла в стороне, не отходит, караулит парнишку, — и полез, было, на дерево, уже забираться стал, как собака снова его за ноги рвать начала... Осердился он на нее, забегал за ней по песу, прогнал прочь, но сколько ни гонялся, ничего, однако, не мог сделать: собака все кружится около, не отходит от дерева, и только. Погонялся медведь за ней погонялся, поломал сучья со злости и лег опять на то самое место, где лежал...

Вот и ночь стала. Темно. Ничего не видно: где медведь и где собака. Захолодало. Мороз затрещал в лесу. Страшно стало. Ничего не видно. И хопод стал пробираться парнишку, и сон его долит. Что делать? Привязался он к вершине опояской и думает: — «если засну, так хоть не упаду, а полезет медведь, залает собака, может быть, проснусь услышу... Замерзну, а хоть цел буду».

Сидит это он на вершине, привязался, а медведь, слышно, все лезет, ворочается около. Вставать станет, собака лает на него, тоже не отходит. А хоть бы что-нибудь было видно, темнота такая в черном лесу, что и днем-то ничего не видать, не только ночью. Однако около полночи стало посветлее, луна выкатилась. Стало повеселее, а только мороз стал еще злее. Парнишка сидит, сидит, задремлет, покачнется и проснется. Да так целую ночь. Однако медведь его ночью не трогал; спал, верно, тоже, только ворочается да рывкает от мороза.

Вот и брезжить стало, вот и свет начался. Смотрит парнишка, медведь встал, походил около дерева, понюхал, посмотрел на него, видит, что собака не отходит, и пошел прочь, заворчал. Собака — за ним, гонится, лает, слышно, — и далеко ушел, видно, — угнала. Слез тогда мой парень, надел лыжи да и марш ко мне сюда.

— Убежал от медведя? — спросил мой ямщик.

— Какое убежал, подожди, еще не кончилось этим дело. Только это он бежит по рею, по льду, с собакой, стал подбегать уже к дому, так, с версту осталось, слышит: собака вдруг опять воротилась назад и лает... Оглянулся, а он, проклятый, бежит по следу за ним.

— Что ты? Догоняет? — говорит ямщик.

— Догоняет, проклятый... Хватился, верно, его там в лесу, видит: спустился парнишка с дерева, побежал по следу за ним...

— Ну, что?

— Ну, что! съел бы его ведь совсем, если бы не лыжи: прибавил он это шагу и побежал от него скорее напрямик по лесу к юрте. Снег-то глубокий в лесу, не то, что на льду по реке: медведь и отстал. Только сижу я в юрте, только что пришел домой с реки, парень и вбегает в избу, лица на нем нет и говорит:

— Тятка, меня медведь чуть не съел...

— Что ты, — говорю, — мелешь?

— Право, — говорит, — гонится за мной...

Только сказал это, собаки и запаляи... Схватил я пищаль, выбежал на улицу, а собаки мои на медведя накинулись и рвут ему шкуру... А он присел, только ворочается кругом за ними... Смотрю: они его и прижали к дереву. Прижался он к стволу и сидит, а они на него лают, так вот и наступают на него... Я взял его тут и застрелил, он и повалился в снег и загреб лапами-то... Собаки это на него. — Прысь, прысь, кричу, проклятые!... А они как впилась в него зубами, так и застыли, рвут!... Тут я и покончил, — заключил остяк свой рассказ.

— Ловко, — сказал ему мой ямщик.

— Ловко! не будь меня дома-то, ведь съел бы, проклятый, обоих с девкой... в избу бы запез.

— Залез бы непременно, — подтвердил ямщик.

— Ну, в избу-то бы не залез тоже, — вдруг вступился за свою честь Юся, — я бы тоже топором отмахался.

— Отмахался?... — протянул мой ямщик недоверчиво.

Но Юся не стал с ним спорить, видимо, считая его плохим охотником: он только что слышал, как тот сам удирал от пары волков на большой дороге.

Мы спокойно ночевали у добродушного веселого остяка в его маленькой юрточке.

Утром, когда стало светать, когда в ледяное, квадратное, из толстой льдины, окно стали пробиваться в юрту первые лучи нежного света, мы снова напился теплого чайку и, когда в оконце заглянуло красное солнышко, то простились с радушным хозяином, с его дочкой, и отправились дальше в путь. За ним следом, провожая нас до рыбалки, отправился и бойкий Юся. В его легкие саночки запряжены были четыре мохнатых пса: передовым был тот самый, что спас ему жизнь от медведя, остальные были те, что остановили его и посадили, приперли к стволу сосны, где убил его наш добродушный хозяин юрты. На всех их были надеты ляпочки из лосиной кожи, от ляпочек шли к передку санок ремни, и собаки легко, незаметно, казалось, тащили Юсю и даже пускались за ним в погоню, когда ямщик погонял круто лошадей.

Я долго любовался этим северным наездником, как он правил собаками при помощи одной вожжечки; Юся улыбался мне, как доброму старому знакомому. Но вдруг случилась с ним маленькая история: его понесли собаки в сторону.

— Что такое, что такое? — спрашиваю я ямщика.

— Барин, барин! заяц впереди бежит! вон, вон, видите, видите?

Я взгляделся в ближайший песок и, действительно, увидел белого, как снег, зайца, за которым и бросились собаки, позабыв о существовании своего маленького хозяина.

Он напрасно старался их удержать, кричал на них; заяц поддавал ходу; собаки неслись за ним сломя голову; санки ныряли по ухабам; то, что он вез, послетало дорогой; собаки с лаем неслись вдогонку за зайцем, позабыв все, и прежде чем мы успели остановить лошадей, как санки, и наш Юся, и обезумевшие псы — все скрылись в снежном вихре, в ближайшем березовом лесу.

ЮНОНА МОНЕТА

**«Родись, крестись, умирай —
за все денежку давай».**

Если звезда сгорит, то свет идет до землян еще многие сотни лет. Так и монеты... Самая точная информация о войнах и мирных днях народов, о борьбе за государственную независимость, власть, восстаниях, реформах исходит от них.

Монета, этот слиток металла определенной формы, веса и достоинства, еще есть средство общения.

Древний Рим, как известно, возник на семи холмах. На одном из них, Капитолии, возвышался храм древнеримской богини Юноны Монеты. Юнона Монета значило — Юнона Предупредительница. В храме была мастерская по чеканке денег, и этим именем богини стали называть чеканные кружки драгоценного металла. Богиня Юнона, в греческой мифологии — Гера, была супругой Зевса, сына Кроноса и Раи. Зевс — «отец богов и людей», его главный культ находился в священной области Олимпии. Интересно, брак Зевса и Юноны Монеты был по расчету или по любви? Скорее, по любви. А если бы Зевс выбрал в жены богиню любви и красоты Афродиту, то, возможно, кружочки — деньги назывались бы афродитами. И никому в голову бы не пришло их называть монетами.

На одной старой римской монете (46 год до н. э.) показаны инструменты монетчиков: наковальня, щипцы. На лицевой стороне написано слово «монета» и изображена голова богини Юноны. Чаше она встречается на римских монетах в виде величественной фигуры в длинных одеждах с венком или диадемой на голове.

В домонетные времена торговля велась с помощью товаро-денег: «... или покупали платья, кто железом, кто яркой медью, кто же бычьими шкурами, кто и самими быками или рабами».

Меновые знаки, деньги обозначались у нас в России в разные времена различными терминами. Древнейшим из них был «скот». Слово «скот» значило в старину деньги вообще. Отсюда — производный термин: «скотница», казна. Митрополит Никифор писал Владимиру Мономаху: «Скотница твоя не скудна есть и не истощима».

Слово «скот» вытеснили куны. Это были дорогие меха пушных зверей, «родственных» между собой: куниц, лисиц, горностаев. В России деньги тоже стали называться монетами, но куны бесследно не исчезли. В XVIII веке Акинфием Демидовым на Алтае, вблизи Колыванского озера, был построен завод, который в 1729 году дал первую российскую медь.

Во второй половине восемнадцатого века появились своеобразные медные «сибирские монеты». Екатерина II повелела чеканить на Колыванском заводе особую медную монету, которая могла обращаться только на территории Сибирской губернии. На одной стороне находился в венке вензель императрицы, на другой — герб Сибири: два песца под короной поддерживали щит с указанием достоинства монеты и года ее чеканки. Надпись гласила: «монета сибирская». После пожара монетного двора в 1847 году выпуск монет в Сибири прекратился.

В Древней Руси и позже, в XIII-XIV в. в., монеты имели название — пенязи. Еще позднее куны и пенязи сменились другим заимствованным термином — «деньги». Это слово появилось в нашем языке не ранее половины XIII века, когда наш лексикон стал пополняться многими татарскими словами. Деньги — форма татарского причастия «танга», что значит звенящий. В другой форме — тумга. Это слово несет значение торгового клейма, налагавшегося на оплаченный пошлиной товар. Отсюда — таможня — место, где взыскивались торговые пошлины.

Во времена Ивана IV была введена единая денежная система. Деньги новые — копейки — стали единой монетой в стране. Красивой была эта монетка: на коне восседает царь с копьем в руке. Под конем — знак монетного двора. От копья и пошло слово — копейка, звучным оказалось оно, закрепилось за новой монетой, полетело гулять по городам и селам. На копейку многое можно было купить. Лошадь в XVI веке стоила 1 рубль 38 копеек, корова — 68 копеек, утка — 9 копеек, за сто яиц надо было заплатить аж 5 копеек.

Несколько столетий с тех пор минуло. Не раз за это время менялись названия монет и денег. Однако слово «копейка» сохранилось, пережило всех и до нас дошло.

**О. Майорова, учитель истории.
г. Нижневартовск**

БЕРЕЗОВО — КУН ЗЕМЛИ

А.К. ШМЕЛЕВ: На лето пятьдесят шестого года мы собирались сделать речной профиль по Тавде — чтобы недалеко от геологических мастерских, от треста. Аппаратурно еще прошлым летом все решилось, теперь уже ставился вопрос, какие геологические результаты может дать речная сейсморазведка. И была у меня практическая задача: организовать бурение на воде, чтобы не делать взрывы в реке, потому что и рыба глушится, и материал, если на мели взрыв, получается плохой. Проект был уже почти готов — вызывает меня Грачев: «Давай-ка ты со своими опытными работами в Березово!» — «Юрий Николаевич, ведь если какие поделки, в Березове без меня все мастерские загружены!» — «Так-то оно так, но где опытно-методические работы, там и геологический результат. А нам в Березово геологические результаты вот как нужны! Без Тавды-то мы живем».

Давай переделывать проект заново, и поехали в Березово. Интерпретатором на этот раз я взял Вадима Бованенко. До этого он работал в электроразведочной партии, ее ликвидировали, переводят в сейсморазведку, а никто не берет, потому что какой он интерпретатор — в сейсмике не работал? Со мной он затеял спорить: ничего нельзя с воды сделать, потому что бон — он же гуляет, никакой привязки. Вот я его и позвал как оппонента, чтобы сам убедился. Только начали работать, вызывает меня Грачев в Тобольск. В Тобольской сеймопартии работала его жена, а Грачев здесь «отгуливал» отпуск за два года. Ну, и вместо отдыха взялся проводить опытные работы с точечным сейсмозондированием отраженными волнами. Идея этих зондирований заключалась в том, чтобы опознавать волны, записанные не на непрерывном профиле, а на точках, отдаленных друг от друга. Трудно сказать, кто из тюменских геофизиков первым выдвинул эту идею, а разработка ее была настолько коллективным творчеством, что авторства на получившийся в результате метод точечных азросейсмозондирований отраженными волнами /ставший ведущим в Тюменской области/ никто и не пытался заявить. Коллективный метод! Вот и Грачев опытничал. Он предложил стрелять не линейную установку, а в какой-нибудь точке по какой-либо форме расставлять, чтобы получить на этой точке очень хорошую запись. Расставляли сеймоприемники и в линию, и по спирали, и по звольвенте — такие расстановки в партиях прозвали «жуки-пауки». Грачев поручил мне организовать в Березово еще одну опытную партию для опробования «жуков» и «пауков». (Забегая вперед, скажу, что они не пошли).

В Березово мне дали еще одну самоходку, в грузовых отсеках оборудовали жилье, сейсмостанцию разместили в рубке, набрали штат, но нет операторов. И тут к Барабанову (он уже был начальником экспедиции) являются пятнадцать вновь прибывших молодых специалистов — инженеры-геофизики. «Кто хочет в сейсморазведку пойти?» Все хотят. «Кто рискнет сразу оператором за пульт сейсмостанции? Все мнутя. Наконец, Володя Багаев говорит: «Давайте попробую».

Продолжение. Начало см. «Югра» №№ 4, 5, 7, 1993.

Т.М. Багаева: А меня в эту партию из отдела кадров послали. Хотели сначала в гравилу, в вертолетную, потом прикинули — жить негде. «Вот, — говорят, — есть такая хорошая партия — водная, там сразу и работа, и жилье!»

Жили мы на барже, не в каютах, а где-то внизу, и у каждого был свой индивидуальный полог. Утром просыпаешься — голос Александра Ксенофонтовича: «Ребята, есть интересная идея!» Все вскакивают...

В.Н. Багаев: А если вставать не хочется, начинаем неторопливо так выспрашивать — что, да как, да почему, и что будет, если... Он сначала объясняет-объясняет, потом поймет: «Ах, вы! А ну, вставайте!»

Т.М. Багаева: Очень интересный быт был, потому что все время едешь. Камералка у нас была — баржа, три окна, маленький катерок впереди тянет, и, пожалуйста, открываются виды — очень приятно! Берег такой красивый. Остановка — сошли, посмотрели деревню, поиграли в мяч. Осень была очень хорошая, мы еще в сентябре купались. Мужчины, как остановка, карту в руки и на охоту. Все ближайшие озера — их. Работали — не важно, сколько там на часах, круглый день светло, круглый день работать можно. Производительность была очень большая, и сделали много.

А.В. Кузнецов: Производительность в речном отряде была очень и очень высокой. Потому что ведь не сматывать, не разматывать эту косу не надо, к приему взрыва у нас линия готова всегда. Переехать с места на место тоже ничего не стоит, это же не через тайгу прорубаться. Потом мы где-то до двадцати километров за смену делали, по сорок в день. Стоимость работ смехотворно низкая и хорошее качество. Сравнить с сегодняшними — копеечные работы. Но очень ценные.

А.К. Шмелев: В первое-то лето мы прошли всего километров сто погонных — четырехугольник по протокам со стороной в пятнадцать — двадцать километров, и наискось еще этот четырехугольник пересекли. На всем участке только в одном месте выявили небольшой перегиб — на верхнем устье реки Пырсим. Для зимних работ там высадилась партия Льва и первым же профилем пошла, чтобы пересечь этот перегибчик. И нам дают радиограмму: «Никакого поднятия нет! Поехал туда Вадим Бованенко, мой интерпретатор-оппонент (лето мы с ним проспорили, но расстались уже единомышленниками), и увидел, что они прошли профилем рядом с перегибом. Сделали еще двухкилометровый профилек и пересекли эту самую структуру. Отдетализировали ее, и стала она — Черемовская структура. Остальные работы полностью подтвердили нашу схему.

В.А. Гершаник: Сейчас в проекте заранее намечены профиля, их уже разбили топографы, точно перенесли проект в натуру. И никто ничего не ищет, все делают профиля точно, как они нарисованы. Обработывая полученный материал, строя карту на машине, получают структуру — если она там есть. А в наше время было бы плохо, если бы мы, имея те километры, не нашли структуры. Она может оказаться за пределами площади, намеченной для разведки. И мы смещались, искали малейший признак того, где она может быть, еще раз все проверяли и все смещали, определяя, как она расположена. Тогда каждая площадь была — нечто неизведанное, и ты открываешь эту неопределенность. Вопросы снабжения, обеспечения меня мало трогали. У меня были замы в партии, о которых я до сих пор сохранил мнение как о людях честных, заботливых, я доверялся им во многом, перекладывая на них эти вещи.

Но надо сказать, что вопроса о дефиците там валенок, полушубков, шапок перед нами не стояло. Строительством балков занималась экспедиция. Ремонт — наше дело, но вопросов о материале тоже не было: все под боком. Если где-то там, на более высоком уровне руководства, что-то делалось не так, то этого я не знал. Я смотрел на это так: есть у меня что-то, и я должен выйти с этим и делать. Мы были неизбалованы, ни с кого не спрашивали ни обеспечения, ни квартир, ни развлечений. Везде устраивались сами. Сами закатывали в Березово такие концерты, что до сих пор, наверное, помнят.

Я.Г. Чусовитин: А после-то, когда уж с концертами стали ездить... Приехал как-то Радыгин, композитор свердловский, для комсомола чего-то проводил — нас не пустили! Вот, вишь, «первооткрывателей» понаехало, так мы уже и не нужны стали: «Вам не положено!»

На квартиру в Березово я и не рассчитывал. Женился — снял квартиру в полдома. Потом дочка родилась — на вторую переехал. Потом, уже в Устреме, опять дочка родилась, надо возвращаться в Березово, а — некуда. Пошел, дом купил и в своем доме жил. А когда построят — чего ждать? И что мне надо от кого зависеть?

А.В. Кузнецов: Ну, жилье-то как раз тогда и начали строить. Осенью пятьдесят шестого я в Березово квартиру получил. Четверть дома — комната с кухней, шестнадцать квадратных метров — это было шикарно! Тогда и дети к нам приехали, а то оставляли где придется. В деревне у матери, в основном. Старшая дочка в школу тут пошла. В доме, правда, не было еще ни окон, ни печки, закрывали одеялами, доделывали сами — как раз сентябрь, рекостав, в поле не работали.

А в школе Березовской и я потом учился. У меня было семь классов образования (до войны еще), но я сразу пошел в девятый, потом в десятый — два года проучился. Через восемнадцать лет. Сдал экзамены все на отлично, потом сразу в Свердловский горный институт. С очниками сдавал (заочники-то должны были сдавать осенью, а я летом приехал, но написал заявление в деканат и мне разрешили), конкурс был где-то человек шесть на место — я выдержал. Так что, считаю, класс я действительно догнал. А класс у нас был особенный: дружный, и учились хорошо, преподаватели потом говорили, что это был лучший выпуск в Березово.

Я работал там в разных партиях. Летом в речных, зимой в обычных. Но тут уже подход был совершенно не тот, что в Ханты-Мансийске. Оснащенность, финансирование, организация, стройка — все шло полным ходом! И квартирные вопросы решались. И энтузиазм у всех был, все старались работать, и работали хорошо — все! Молодые специалисты разом подключались, работали очень дружно.

Г.П. Агафонова: Квартира в Березово у меня была самая любимая — две комнаты, солнце... Ну, это, конечно, еще через несколько лет...

В.Н. Багаев: Там подкупало что? — молодежь жила неоседло. Куда надо — пожалуйста, рюкзак взял и пошел, больше ничего не держит. Я в Березово проработал года четыре — никакой квартиры и не снимал ничего. Приедешь из партии — у кого-нибудь перебьешься. Вот я был у якутян — они тоже достигли высокой производительности: одноотрядной партией за сезон до тысячи километров (как и у нас на Ямале) выбирали. Но беда в том, что они очень здорово обустроились. Там поселок — вплоть до бассейна. И ясно, что из этого поселка их никуда не выгонишь. И вот они вокруг уютжат все, по тысяче километров даюг, а результата нет, потому что на этом месте,

может, и структур никаких нет, их дальше искать надо, но они туда уже не могут, они привязаны к этому поселку. Мобильности нет.

В.А. Гершаник: У меня в Березово так и не было своей квартиры. Жил без семьи, и мне удобнее было за определенную плату иметь хозяйку, которая бы готовила есть. Мы там так привыкли, что где бы ни очутились, как-то устраивались. Исаенко со своей партией в том же пятьдесят шестом году остановился на пустом месте. Чтобы продолжить работу летом (кстати, я ее и продолжил), поставили палаточку для мастерской, а сами врезались в берег, сделали там землянки. Бассейн — рядом!

Г.П. Агафонова: Нина Кутузова привезла из этих землянок страшнейший авитаминоз, вся волдырями покрылась.

В.А. Гершаник: Конечно, для того, что мы называем нормальной жизнью, не хватало очень и очень многого. И, видимо, особенно трудно приходилось начальнику экспедиции, который должен был как-то решать эти вопросы. Чувствовалось, что Михаил Павлович старается что-то сделать, дать нам, что необходимо. Не знаю, смог ли бы тут кто-нибудь больше, чем он. Цибулин всегда устранялся от таких вопросов, как обеспечение квартирами. Аппаратура, новые веяния — это ему по душе, а валенки — неинтересно. С Барабановым же, наверное, никому не приходилось ссориться, спорить, уходить чем-то недовольным, даже если не получал требуемое. Очень приятный человек был, уравновешенный, добрый, может быть, чересчур мягкий. Возможно, будь он более жестким, его бы просто надолго хватило.

Ю.С. Копелев: Михаил Петрович был золото, а не человек. И как специалист был прекрасный. Когда его тут сняли, он стал главным инженером геофизической экспедиции. Немногие начальники-руководители выходили потом на такую должность. Но он не потерял квалификации.

Березово научило всех работать. И уезжали отсюда очень немногие, только те, кому полевые работы были не нужны — в науку, там, или вовсе...

Г.П. Агафонова: Начальство — Барабанов и Цибулин — было далеко от нас, в Березово. Руководили, а мы вели конкретную работу в своих партиях. Мы видели, что Цибулин прекрасно разбирается в геофизике; если какая-то неточность в отчете, он тут же ее вылавливает, вытаскивает на свет божий, у него на это копосящий нюх. А подгонять нас не надо было.

Т.М. Багаева: Там не было такого — план и все. Работали, сколько могли. Я помню, еще в Белоруссии на практике удивлялась: работаем мы, можем сделать еще одну стоянку, а начальник партии говорит: «Не нужно. Нам нужен план на сто один процент». Все от достигнутого планировалось. Тут такого не было!

В.Н. Багаев: Ты учитывай, что когда проводились здесь первые сейсморазведочные работы, тогда еще и техники-то никакой не было, и условия тяжелые, еле-еле с планом справлялись. И еще вот какое дело: когда люди попадают в наши условия, то у них ничего другого нет, кроме работы, и они только поспят и опять работают, работают, работают. Свободное время здесь — зачем оно нужно? А на юге совсем другое дело. Краснодар взять — там из станиц рабочие все, им есть чем заняться после работы. Ну, и как пять часов, сделали — не сделали, бросают все и ушли. Наши, когда попадают

на юг, очень недовольны. Но и тюменцев никто особенно не любит, союзные геофизики все ругают нас с нашей производительностью. Мы много лет жили одной работой.

Т.М. Багаева: Уже какая-то ограниченность. И в компании соберутся, выпьют, как положено, о чем все начинают говорить? Опять о работе! Но такая это атмосфера была, такие люди интересные, молодые, доброжелательные все... Насколько все было просто, можно судить по тому, что вечерами мы приходили в кабинет к Цибулину, составляли столы и играли в пинг-понг. Сейчас бы никто близко не подпустил! Кто второй год работал — Агафонов, Бованенко — нам, только что приехавшим, казались уже такими! Мы и тянулись за ними.

Г.П. Агафонова: К сожалению, много пили. В столовую березовскую приедешь — все стаканы пахли или водкой, или одеколоном. Это же не секрет, что первая баржа везла не муку, молоко, яйца, овощи, а спирт, водку. Хотя там так не хватало полноценного питания! Мы, а особенно дети, так жестоко болели авитаминозом!

Л.Д. Немцов: Я в то время утвердился в качестве старшего инженера отдела разведочной геофизики треста; регулярно наезжая в Березовскую экспедицию с инспекциями гравиразведочных работ, имел возможность наблюдать, как однажды березовские власти сознательно ограничили завоз спиртного, дабы учредить и укрепить трезвость. И зимой в поселке стал «сухой закон». Его сопровождало усиленное потребление «любителями» спиртосодержательной аптечной продукции, включая и зубную пасту, которая, по словам знатоков, после разведения содержимого тюбика в стакане воды, давала необходимый потребителю эффект и «ударяла по мозгам». С ликвидацией же аптечных запасов дело пошло совсем «сухо», и редкие брызги спиртного приносили только рейсовые и геологические самолеты. Учитывая все это, я обычно запасался в своей полетной одиссее где-нибудь в приобских поселках ящиком-другим спиртного для братьев-геофизиков. Полагаю, что мои действия не слишком влияли на «моральный уровень» тогдашнего Тюменского Заполярья и скорее убыстрили, чем задержали наступление нефтяного бума. -

Я.Г. Чусовитин: Пьянка — это когда выйдут в поселок. Немножко выпьют. Ну, может, кто больше пил. Так, в меру все обходилось. А в поле ее никто не возил. В поле напьются — какая работа? Да и что с пьяным в тайге делать? Этого нельзя. Дома приедут — пожалуйте. Ханты — вот те...

О.В. Шкутова: Ханты приезжали в магазин целым оленьим караваном. Прямо у магазина стойбище образовывалось: рога, расшитые одежды — красиво! Начинали с водки. Выходят из магазина и тут же пьют — мужчины, женщины, старики, дети... И тут же падают. Вот это было уже страшное зрелище. Проспят, только тогда принимаются за свои дела, потихоньку разъезжаются. Из местных жителей я не видела пьянки только у зырян. Удивительная нация! Жила в доме у зырянки — каждое бревнышко, как янтарное, все у нее вымыто и отчищено, сама нарядная, платочки, фартучки, юбки — все расшито, расцвечено! А где пьют — что там остается, все лишь бы как...

Г.П. Агафонова: Очень снисходительное было к этому отношение. Все принимали, как должное. Я знаю только один случай, когда оператор вернул отряд из-за того, что рабочие прихватили с собой ящик водки или спирта. Коля Шестак, он — косая сажень в плечах, перебил им весь этот ящик, вернулся и сказал, что с такими людьми в поле не поедет. Выяснили, кто взял, заменили ему рабочих, и он поехал снова.

Очень часто невозможно было собрать отряд, чтобы вывезти в поле: все были пьяные. Однажды мне пришлось участвовать в таких сборах после выборов в Верховный Совет. Собирали отряд по поселку и складывали, как поленницу дров, друг на друга. Очень жалко было смотреть. Поехали. Вдруг в балке стало нечем дышать. Все, кто мог, вылезли. Оказывается, один из пьяных мужиков обмарался. Дядя Петя нашел где-то чистые штаны, передел его.... По пьянке были, конечно, и драки, и ножи в ход пускали. Потому что народ был всякий — и алкоголики, и освобожденные из лагерей...

Ю.К. Агафонов: Нам женщины письма присылали, которые искали своих мужей, и вот они подписывали конверты: начальнику грависправительной партии. Были тяжелые очень люди...

Г.П. Агафонова: Среди них были и опасные преступники, скрывались под чужими именами, фамилиями. Странно, что мы тогда не придавали этому никакого значения, а ведь, если вдуматься, действительно очень страшно. Один такой рабочий совершил убийство — тогда и выяснилось, что он давно разыскивается, рецидивист. Было много и интересных людей — начитанные, своеобразные философы, но спившиеся, потерявшие себя.

И очень обидно, и жалко, что наши инженеры тоже пили, не отставали от «народа»... В компаниях, где мы собирались, нельзя сказать, что все, но были люди... Я знаю только двух мужчин, которых никогда не видела пьяными так, чтобы за них стыдно было: мой муж и Лева Альперович. Уж они если говорили: «Не буду!» — это было все, и никто не настаивал.

В.Н. Багаев: Об Агафонове я еще в Ленинграде читал в молодежной газете. Как они с Юрой Мартыновым пятьсот километров на лошадях, с прибором, мерзли, и все там... Целая страница была про Сибирь и называлась: «Тюмень — ворота Сибири».

Г.П. Агафонова: Мы считали, что находимся на самой горячей точке. Может быть, грачевский энтузиазм, или открытие этого газа, но вот мнение — пуп земли! Когда я приезжала в Москву и встречалась со своими сокурсниками, мне все казалось: «Господи ты боже мой, какой ерундой они занимаются! Главная-то работа наша! А они — все не то делают!» В основном, все так были настроены.

И очень быстро росли в своих знаниях, умениях. Мне, например, сразу после первого отчета (который я за Зоммера защищала) поручили уже самостоятельно обрабатывать материал и писать отчет по работам, в которых я даже не участвовала. Вот тут я струсилась. Отказывалась, говорила, что не умею... Мне казалось, что и первый-то отчет я защитила плохо! В ответ мне говорили... не помню, чтобы «поможем!», но помню — «надо!». И утешали: «Радуйся, что тебе хоть поучиться дали, а мы как приехали — сразу!»

В.Н. Кузнецов: Не случайно потом из Березово люди вышли в специалисты очень большие, занимают важные посты. Эти люди действительно много сделали для освоения Севера, много сил положили, многому научились. Это была серьезная школа. И геофизики это испытание выдержали.

(Продолжение следует).

А.Е. Новоселов

У РЕКИ

А пароход день и ночь идет, лавируя меж отмелей.

Изредка на правом берегу показываются груды домов казачьих поселений. Все поселки повернулись к речке задом, а берег многие превратили в свалочное место. Навозные холмы спускаются уступами. В полую воду, разбитые мутными волнами, они обваливаются и долго плывут черными кочками. Внизу навоз перегнил, почернел и торчит обрывками, а сверху подвозят еще и еще — теплый, дымящийся. По склону яра тянутся огороды. Плетни неуклюже выпускают вверх необрезанные колья. Они плохо сколочены и стоят только с подпорками. Овощные гряды еще приятно зеленеют, а табак уже висит гирляндами по кольям. От речки к огородам по утоптаным змейкам-тропкам двигаются женские фигуры.

У каждого поселка выставлены сотни сажен пахучих березовых дров. Больно смотреть, как это богатство щедрой рукой сыплют в ненасытные жерла пароходных печей.

При заготовке топлива системой служит расстояние: сначала подсекли ближайšie колки, теперь идут все глубже в степь. На месте лесов остаются «лески», едва скрывающие человека, едва шумящие осенним бурным днем, безжизненные, навсегда покинутые дичью, с трудом дающие приют неприхотливому степному зайцу...

Несмотря на то, что пароход для казака не редкость, в каждом поселке все население, в будни, в праздник — все равно, сбегается к реке, как на пожар. По первому гудку в поселке вспыхивает оживление: бабы мчатся в погреб, мужики — к садкам за рыбой; по второму — все уже тронулись; по третьему — у каждого мелькает в голове: «опоздал, опоздал», и, едва успеют бросить трап, как весь берег покрыт уже народом. На яру, как бакланы на песке, расселись казаки с неизменной трубкой и кисетом. Под горой, толкаясь между бабами, снуют ребята — борются, кричат, кидаются песком.

Александр Ефремович Новоселов (1884-1918) был известен современникам как талантливый прозаик, этнограф, публицист. В повестях «Исишкина мечта», «Беловодье», «Мирская», очерках «Лицо моей родины» и «У старообрядцев Алтая» с подлинно художественной силой Новоселов пишет о старой Сибири, касаясь самых острых социальных проблем.

На попутных пристанях пароходы стоят всего по несколько минут, и пятакковые сделки производятся с надлежащей быстротой. Нередко пассажир закупает все нужное, стоя на балконе, когда пароход еще причаливает. А только бросят трап, бывалая баба проскользнет между матросами на палубу, получит медяки и еще успеет заглянуть в два-три угла, где всегда найдется много интересного.

Не так давно едва ли не главным предметом такой торговли была «красная» рыба. Но теперь времена, когда стерлядь в цене стояла не выше мяса, отошли в область преданий. Теперь рыбы мало, так мало, что рассказы стариков о богатых уловах кажутся баснями. А ведь было время, когда невод и стальной крючок заменяли казаку и плуг, и борону, было время, когда он страдал вместо осени весной.

Просидели далеко за полночь. Только, когда вышел весь запас валежника, а от воды сильно потянуло холодом, все, завернувшись в полушубки, растянулись у костра соснуть до света. Степаныч взял Николку к себе в полог.

Долго не мог я заснуть. В садке у лодки билась рыба. Где-то неподалеку журчал подземный ручеек. На увале, вверху, звенели колокольчики и заунывно выкрикивал ямщик: верно, проходила почта. Степаныч в пологе пыхтел, курил и кашлял.

— Рази это рыбалка, — говорил он Николке, — одно наказание божецкое... Так рази рыбачили в старое-то время? Картузами рыбу черпали... Ребятишки штанами добывали больше, чем теперь неводом. Прошло оно, времячко-то это, прошло, прошло...

Да прошло. Так бывает всегда. Приходят люди в нетронутую страну и, как хищники, бросаются на все ее богатства. Под корень рубят темные леса, из вод вычерпывают рыбу, иссушают, обеспложивают землю. А когда страна обратится в пустыню и крысы побегут на новые места, тогда придет культура. С беспокойством и торопливостью начнут тогда издавать охранительные законы, начнут садить леса, плодить рыбу, защищать благородную дичь. Неумело и фальшиво начнут подделываться под приемы природы, создавая вновь то, что было создано тысячелетиями, а разграблено на протяжении двух-трех человеческих жизней.

(«У реки»).

Из детской книжки

Спящая бабочка

Спящая бабочка в доме
На паутинке, на клене¹.
Бабушка в горнице ходит,
С бабочки взгляда не сводит.
Внукам Сереже и Вите
Шепчет она: «Не шалите.
Дверью не хлопайте, дети.
Снится ей сказка
О лете...
Вдруг паутинка порвется,
Бабочка тотчас проснется.
Мир ее хрупок и тонок,
Бабочка тот же ребенок.»
А за окошком морозы,
В ивее красном березы.
Бабушка тихо вздыхает,
Сердце ее замирает.
Пусть до весеннего грома
Спит наша бабочка дома.

ПОЭЗИЯ
~ ~ ~
Андрей Тарханов

В осеннем беру

У берлог зевают мишки,
Спать они уже хотят.
А на ветках кедров
шишки,
Будто белочки, сидят.
Шишки рыжи.
Белки рыжи.

Белкам в жизни повезло:
Ведь у шишек
Нет крыши,
А у белок есть дупло.
В нем они хранят орехи
Спелые кедровые.
Есть бельчатам для потехи
Шишечки еловые.

¹ Клен — декоративное растение.

Про хвастунишку

Жил в моем поселке, дети,
Хвастунишка,
звали Федей.
Говорит он другу Деме:
— Мне тайга,
как ты, знакома.
Знают все меня медведи.
Росомах ловлю я в сети.
Ты поверишь или нет:
Сразу съем я сто конфет.
На колючего ежа,
Хочешь, —
сяду не дрожа...
Хвастать можно без конца,
Не меняя цвет лица,
Не моргая, не стыдясь,
А в душе всего боясь.

Рябинка

Сам сажал ее, и вот
Чудная картинка:
Под моим окном растет
И цветет рябинка.
А когда огнем зари
Ягоды пылают,
На ветвях ее, смотри,
Птицы распевают.
Свиристели и клесты
Говорят со мною.
Посади, дружок, и ты
Деревце весною.

ЛЕСБЕГ

Кондинская быль
(Отрывок из повести)

Оглянувшись на треск сучка, Натка тотчас повалилась на руку Толяна без дыхания. Толян подхватил ее и прямо перед собой метрах в десяти увидел Его. Темная масса — подобие человека, и огромные блестящие с красным оттенком глаза. Он!!! Прижав Натку к себе, Толян изо всех сил пустился бежать берегом Выринского Тумана к поселку. Не доходя первых домов, он осторожно положил свою ношу на обочину дороги, с легким прикосновением к щекам стал звать:

— Ната, Ната, ну, очнись, что с тобой? Ната!

Она открыла глаза, увидела бледные звезды на сером небе, луну, склонившегося над ней Толяна... и все... вспомнила.

Вчера вечером, а вернее, ночью, около двенадцати часов Натка и Толян гуляли берегом Тумана. Светила луна. Но в белой ночи лунный свет был почти не виден. Вода Тумана стояла, как зеркало, в ней отражались бледные звезды, луна, легкие облака, а возле берега — кусты и деревья.

И вдруг впереди их темной массой возник силуэт огромного человека с блестящими красноватыми глазами. Испугавшись и не поняв, что это такое, Толян и Натка что было духу бросились к поселку. Договорились молчать. Кому об этом скажешь? Не поверят, обвинят в трусости, засмеют. Но днем Толян не удержался и рассказал о встрече своему другу Сергею, по кличке Серый, взяв с него честное слово молчать.

Серый пошел к Натке, чтобы убедиться, правда ли это.

— Толян велел молчать, — вот и все, что он узнал.

Вечером на улице встретились все вместе.

— Может, вам показалось? — допытывался Серый. — Может, то был куст, дерево, что-то отражалось на земле? Сходите туда еще разок! И если он там, вы увидите его. Ведь все равно будете гулять ночью.

Они и пошли. Толян заметил первый, что кто-то следит из-за кустов и движется параллельно берегу за ними.

— Может, Серый с Колькой, — подумал он, — а потом будут насмеяться.

Натка ничего не замечала, шла очарованная белой ночью, тишиной, покоем, спокойной водой, золотистым упругим песком берега.

И вдруг — он! Совсем рядом, в каких-то десяти метрах! Огромный человек с блестящими красноватыми глазами. На этот раз они не могли ошибиться. Он! Но кто он? Зверь? Человек?

На следующий день Натка заболела. Врач предположил: нервный срыв. Толян с Серым решили рассказать все своим друзьям: Кольке, Леке, Сереже Комарову, по кличке «Комар», чтобы выработать общий план действий. Вечером собрались у Толяна. Мать у него в ночной смене, отчим работает в химподсочке и дома бывает редко. Так что можно говорить обо всем и во весь голос — никто не услышит.

С Кольки, Леки, Комара взяли клятву: об услышанном ни слова.

— Рассказывай, — потребовал Серый у Толяна.

— Позавчера мы его увидели впервые. Вдруг перед нами предстал громадный человек, глаза блестят. Мы метрах в пятидесяти от него были. Испугались и убежали. Но не могли понять: то ли это нам померещилось, то ли было на самом деле. Вчера Серый уговорил нас сходить туда еще раз (вы знаете, это в районе реки Лева). Мы и пошли. Никого нет, тихо. Успокоились и даже забыли про это. И вдруг я почувствовал, что кто-то как бы следит за нами. Мы идем берегом, а тот — кустами. Думал, что это вы. И вдруг — Он! Я его увидел совсем рядом, метрах в десяти. Громадный, темный, глаза красные, блестят. За нами он не погнался. Больше ничего.

— Может медведь? — спросил Коля.

— Нет, не медведь. Медведя я встретил в прошлом году, когда с отчимом на его участок ездил. Тот медведь там жил постоянно. Медведь отчима знал и тот его.

— Что будем делать? — спросил Серый.

— С кем посоветоваться? — думали ребята. — Кого спросить?

Толян, как самый старший из ребят, вдруг вспомнил:

— А ведь Петька Семенов его видел! Он Ваньке, брату моему старшему, рассказывал. Я думал, что он врет. Лесом пугает. Значит, это правда!

— Почему молчал? — набросились на него ребята.

— Думал сказки, вранье. А вот сейчас вспомнил, что Петька про это говорил.

— Значит, так, — решил Толян. — Ты, Комар, идешь к Петьке и все точно узнаешь: где видел, как видел, когда, какой он. Все-все до мелочи расспросишь. Потом нам расскажешь. Ты, Лека, книжный человек, порылся в книгах, журналах. Что найдешь — тащи сюда. Ты, Серый, к дедам и бабкам. Расспроси о старине. О сказках, о том, как раньше жили, охотились, рыбачили. Может, кто раньше его видел. Ты, Коля, — к учителю биологии. Расскажи коротко, может, и посоветует дельное. О подробностях не говори. Завтра вечером собираемся у меня, и кто что узнал — расскажет, а потом после двенадцати ночи пойдем туда, где его видели. Кто трусит, может не ходить.

Договорились взять с собой ружья, собак.

Три ночи мальчишки ватагой утюжили берег Тумана — никого не было. Днем каждый из них занимался своим делом: Лека рылся в библиотеке, Серый расспрашивал стариков и старух, Комар умолял Петьку рассказать ему подробности встречи, но Петька стал говорить, что он это выдумал, ничего не видел.

Лучше дела шли у Коли (он клочки не имел, так как был единственным Колей в школе). Учитель биологии вроде бы сразу все понял и помог тем, что достал институтские книги о происхождении человека. Увиденное Толяном существо больше всего походило на шимпанзе или гориллу. Но откуда шимпанзе или горилла в наших лесах? И только спустя десять дней ребята узнали, что учитель биологии Степан Петрович сообщил своим сокурсникам об увиденном ребятами звере-человеке и попросил приехать, не посоветовавшись, не спросив у ребят, согласны ли они.

А за эти десять дней ребята узнали много нового. Первое сообщение принес Комар. Он все-таки уломал Петьку рассказать подробности встречи, за что его ребята приняли в свою компанию.

— Я видел глаза. Только глаза. Может, похож, может, нет — не знаю. Откуда у нас снежный человек?

Серый же ежедневно ходил от дедов к бабкам, что-то расспрашивал, слушал всякие были и небылицы, но пока ничего касающегося Его не слышал. А потом заявил Толяну, что, наверное, надо рассказать хотя бы деду Егору, что видели кого-то в лесу — не то зверя, не то человека. Егор говорил о каком-то лесном духе, называл его мансийским словом, но это давно было, и нам, молодым, этого, дескать, знать не нужно. Мальчишки посоветовались и решили: пусть Серый расскажет деду правду.

Весь следующий день Серый провел у Егора. Мальчишки видели, что он помогал ему развешивать сети для просушки после рыбалки, тащить мотор из лодки. В общем, целый день с дедом. И только вечером Серый явился к Толяну. Вся компания друзей была в сборе, все ждали.

Серый, устав с непривычки до предела (дома-то он был не ахти какой работник), сел на кровать Толяна и сказал:

— Ну, мужики, вот такие пироги! Дед Егор о нем знает, много слышал, а дважды он его видел еще в молодости. Как только я сказал, кого ты, Толян, видел, он забегал по двору, заругался по-мансийски:

— Елнаер, Кульнаер! Опять появился! Я думал, он совсем ушел из леса. Его давно никто не видел, не слышал.

Потом расспросил подробно и заявил, что это он — Хумполэн. А по-русски, говорит, его Комполь называют. Запомните — Хумполэн! Лесной мужик, дух. Он как бы лес охраняет, зверей. Раньше его так и считали хозяином леса. И человека, который причиняет тайге или зверям вред, шумит, кричит в лесу в неположенное время, например, весной, когда птица на гнезде, у зверей детеныши маленькие, или разводит огонь в опасном месте, Хумполэн из леса выгоняет. Как выгоняет? Дикими криками, наводящими на человека ужас, обычно по ночам, или придет к лесной избушке и так ее потряхнет, что та чуть-чуть не развалится.

В редких случаях, когда человек не понимал и не уходил, Хумполэн поступал по-другому. Для начала он делал что-то с собакой охотника. Собака заболела и подыхала или могла утонуть, ногу сломать, могло на нее дерево упасть. А что делать охотнику без собаки в тайге? Но в случае, если человек не понимал этого и продолжал творить свои «черные дела», Хумполэн угонял лодку, ломал лыжи, неизвестно из-за чего сгорала лесная избушка или исчезали продукты. Так Хумполэн наводил порядок в своих владениях.

— А дед его видел?

— Нет. Он деда дважды из леса выгонял. Говорит, в молодости дурной был, ничему не верил. Пошел на охоту, а ночью на дорогу спать лег, костер развел, вот тут-то его Хумполэн и прогнал. Налетел вихрем, костер разметал, собак разогнал, такой шум устроил, что дед (тогда еще молодой мужик) едва ноги унес, но с тех пор никогда на тропу не ложился.

— А другой раз?

— Спросил я у деда. А он только рукой махнул, ругнулся по-мансийски. После того, говорит, три года в лес боялся ходить. Потом прошло. Обещал в другой раз рассказать. И еще говорит, что бабка Дарья с ним тоже встречалась.

— Завтра к ней пойду, может, расскажет.

— А ты, Петька, видел его? Расскажи!

— Видел, но до сих пор не верю. Может, то колода была и сама ушла.

— Ты подробно, подробно! — потребовали мальчишки.

— За грибами я пошел. Грибов мало в этом году, вы знаете. Так вот ходил, ходил, все знакомые места обошел, где прошлые годы собирали, — почти ничего нет. А, думаю, пойду дальше, в урман. Там редко грибы бывают, но, может, в этом году есть. И пошел. У меня с собой то .ко маленький ножик — грибы срезать — да корзина. Иду, посвистываю, в лесу тихо, ветер где-то в вершинах чуть-чуть пошумливает, я под пни-колоды заглядываю. Грибов нет. Думаю: зря забрался в такую даль. А валежника там! Колод кругом! И вдруг прямо передо мной одна из громад-колодин поднимается, принимает обличье громадного человека и уходит от меня так спокойно на двух ногах. Я так и сел на ближайший пень. Смотрю и глазам

не верю. А перед тем как зайти в мелкач та колодина как бы оглянулась на меня, вижу — лоб вперед выдался. Вы вот о глазах говорите, а я глаз не видел, только лоб, и сам весь как замшелая колодина. И ушел. Не шумел. И опять все тихо, спокойно в лесу. Я повернулся и домой что было духу. И до сих пор не верю: было ли что или мне показалось. Рассказал Ваньке, а он на смех поднял: мол, со страху тебе привиделось! А ведь я не боялся, никого не ожидал встретить, ходил спокойно, уверенно. Не могло мне показаться! Все это в ясный солнечный день было. Может, это и был он — ХУМПОЛЭН, как его дед Егор называет. Но я не боялся и не боюсь, ведь никакого вреда он мне не сделал! Просто ушел с моей дороги и все. А кто он — зверь? человек? Не знаю...

— Ты когда его встречал?

— В субботу.

— Значит, неделю назад. Толян с Наткой в понедельник и вторник видели.

— Здесь он.

— Но как его еще увидеть?

— Почему он не пришел на берег Тумана?

— Айда завтра все к деду! — предложил Серый. — Ему надо дрова в сарай перетаскать. Может, он что и посоветует или расскажет о второй встрече. И мальчишки разошлись по домам.

Слух о появившемся в лесу Хумполэне не давал деду Егору спать. Он ворочался, кряхтел, вспоминал все, что слышал от древних стариков, что сам за свою долгую жизнь узнал о нем. И злился и возмущался! Злился на Хомпулэна: где он, хозяин леса, был, когда кедрач вырубали? Появился на пустом месте!

Ходил тогда дед Егор и в совет, и к лесному начальству, доказывал, что нельзя рубить кедрач, что он весь лес кормит.

Даже внука Ваньку заставил писать в какую-то газету, сам на почту письмо снес. Но все без толку. Ответа не получил, а кедрач вырубил. Тогда он за каждое дерево жизнь согласен был отдать. Сердце кровью обливалось, как видел машину, везущую стволы кедрача с колыхающимися ветками. Кедровые как бы махали ветками, кроной, прощаясь навсегда с этим краем. А без кедров, основного кормильца, жизни в лесу нет. Ушли соболь и китус, медведь и рысь, даже полосатые бурундуки и белки почти исчезли. Вот что такое кедр!

И вот тогда, когда все похождения деда по защите кедрача кончились неудачей, он и вспомнил Хумполэна, лесного духа. И если бы тогда кто-нибудь сказал, что видел его, дед, преодолев вековой суеверный страх, пошел бы к нему и стал просить встать на защиту кедрача и всей тайги. Но тогда и он исчез! Появился сейчас. Зачем? Видеть стволы поваленных, но не вывезенных кедров, пихт, сосен! Где раньше-то был!

— Появился! — злился дед, ворочаясь с боку на бок. —

— Поздновато! Зачем? Пугать детей? Что он свои основные обязанности забыл?

С восходом солнца дед поднялся. Обошел двор, огород, открыл пригон — скоро должна появиться корова с телятком, выпущенная пастись на ночь. За забором мелькнула голова Серого. Дед закрыл корову с телятком в сарае и поздоровался с Сергеем, уважительно называя его полным именем, за руку, по-мужски.

— Тебе-то что не спится? Аль из дому выгоняют? — спросил дед, усаживаясь на чурбаке.

Покурили. Поговорили о погоде, о заготовке сена, о надоевших и всех измучивших паутах, и только после этого Серый предложил перенести дрова в сарай.

— Мы с ребятами быстро, по холодку! — А то потом от паутов отбоя не будет!

К началу жары дрова были перенесены, мальчишки с удовольствием пили холодный квас из погреба, шутили, смеялись, но основное дело для всех было впереди.

Усевшись на чурбаки в сарае возле аккуратно сложенных полениц дров на отдых, они попросили деда рассказать про лесного духа. Слова Хумполэн или Комполь им ничего не говорили, а вот лесной человек или дух — это более понятно. Дед прикурил трубку, глянул на Серого:

— Ты рассказал?

Все дружно закивали головами.

— Расскажите нам, может, Серый что напутал. Расскажите, как он вас второй раз из леса выгнал, после чего вы и в лес боялись ходить. Почему он так называется — Хумполэн? Что это значит? Раскрыв глаза и уши, а кое-кто и рты, мальчишки слушали деда о Хумполэне — «потустороннем мужике» или «мужике с того света» — защитнике леса, его зверей, его богатства. Память деда собирала и хранила вековые слухи о нем, сказки, легенды, дошедшие до наших дней, в которых упоминалось об этом удивительном чуде природы, неизвестном науке полузвере — получеловеке. Суеверный страх наводил Хумполэн на народ, живущий на протяжении веков в лесу с ним.

— У нас его Хумполэном называли, — рассказывал дед, — а в деревне Кайпывыл звали «быком». Там он Светлое озеро охранял и лес вокруг него. Дорога от деревни к деревне все борами шла и только в одном месте подходила к озеру. Вода в озере была хрустальной чистоты, родниковая, холодная. Каждую травинку и камушек на дне видно, каждую плавающую и стоящую рыбину. Не озеро — сказка. Больше я таких за свою жизнь не встречал.

Днем по дороге мимо него все свободно ходили, а вот ночью или поздно вечером нельзя. Брат мой Анисим — царство ему небесное — рассказывал: он однажды не поверил, пошел ночью. Хотел проверить — правду ли говорят. Как он мне рассказывал, так и я расскажу, — продолжал дед, вновь прикуривая трубку от услужливо зажженной Серым спички.

— Нет, врать бы Анисим не стал. У нас в народе не врут. Говорят так, как видели или как поняли, — ответил дед на кем-то из ребят брошенное замечание о вранье. — Так вот, пошли с Кирьяном — средним братом — уже к вечеру из Кыйпывал в Выймаас. Уже в сумерках к озеру подошли. Воды из озера попили — грех было такой воды не попить — и стали ждать. Стемнело. Тихо. Лес шумит, мужики потихоньку переговариваются. Никого не видно, не слышно. Брат и говорит Кирьяну:

— Вранье ваш бык, никого нет. Это от страха кто-то выдумал.

— Да нет. Всех, кто ночью ходит по этой дороге, он от озера отгоняет.

Еще посидели и уходить уже собрались. И вдруг со стороны озера услышали рык-рев. Брат говорил, что было это как предсмертный стон быка. Затем парни услышали тяжелый, быстро приближающийся топот тяжелых ног вместе с нарастающим рыком-стоном. И парни что было сил пустились бежать по дороге в Выймаас.

— Перебежав мост через болото, соединяющий два бора, они остановились.

— На мост он не ходит, всегда до моста гонит! — задыхаясь, сообщил Кирьян.

— Смотри!

— За небольшим, метров в двадцать деревянным настилом-мостом, как называли местные, виделось громадное существо. Из глаз и ноздрей в сторону преследуемых, казалось, летели искры, огромные глаза светились красноватым блеском. Топот у места затих. Но утробный стон продолжался. Он леденил душу,

наводил ужас, обоих парней подташнивало. Убегая в сторону Выймааса по дороге, они слышали, как топот и утробное мычание стали удаляться и вскоре совсем затихли.

— Всегда так, — сказал Кирьян.

За это утробное мычание, отдаленно напоминающее мычание раненого быка, за топот, сотрясающий землю, люди и назвали неизвестное существо «Быком».

— Расскажите, как он вас из леса выгнал?

— Видели ли вы его сами?

Дед Егор сначала отмахивался, но настойчивые просьбы ребят уломали его.

— Э-э, давно это было. Я молодой и глупый был. Молодые, наверное, все такие. И я вот тоже. Раньше-то как жили? Мы, местные жители — вогулы (это сейчас называют манси), охотой занимались. А раз охота, значит, все в лесу, в урмане. У каждого рода своя вотчина. И у нас была. В ней дед, прадед, отец охотились, и мне по наследству досталось. А раз твоя вотчина — значит, ты там полный хозяин. Так и я думал.

— У нас в вотчине избушка уже старая, ее отремонтировать надо было. Вот отец мой в мае и послал меня избушку подладить да посмотреть, что в урмане делается. Пошел я, собаку взял. Был у нас молодой кобелишко, Балабан звали — непуганый, дурной. Пришли в вотчину, я его с поводка отпустил, хотя отец предупредил, чтобы тихо себя вели. По тропе иду, насвистываю, Балабан челноком по урману носится, всех без разбору облаивает, пугает. К избушке пришли к вечеру. Костер возле нее развели, уток сходили на ближнее озеро постреляли. И только я поужинал да Балабана покормил, как услышал, что вроде дерево в лесу упало, аж земля дрогнула. У Балабана шерсть на загривке поднялась, зарычал, а сам к ногам моим жметя. Я за ружье. Тихо. И собака успокоилась. Я костер затушил и в избушку ночевать пошел. Балабан под нары устроился. И вдруг слышу, что кто-то тяжелыми шагами к избушке идет.

— Думаю, почудилось что ли? Так нет — у собаки шерсть на загривке щетиной, рычит, а, видно, тоже боится. И показалось мне, что дерево упало на избушку: треск такой, грохот, избушка шатается, того гляди развалится. Невообразимый шум вокруг поднялся, будто буря внезапно налетела и деревья падают, как во время сильного ветра. И шаги слышу вокруг избушки. Страх овладел мной. Сижу, за ружье держусь, собака к ногам жметя. Так всю ночь до рассвета. И только с рассветом шум утихать стал и шаги удалились. Тихо стало.

— Досидел в избушке до восхода солнца, вышел. Смотрю — деревья все целые, ни одного поваленного, никаких следов бури нет, только головешки от костра раскиданы. Я своего Балабана на поводок (как дед наказывал) и домой. Старики после объяснили: нельзя в это время в урмане шуметь, зверей, птиц пугать. Все потомство выводят. А мы с Балабаном нарушили это правило, и за это нас хозяин леса наказал. А видеть я его не видел, он редко показывается, больше вот так пугает. Сам уйдешь из урманя. После я долго боялся один в лес ходить. Вот такая история со мной приключилась, — закончил дед рассказ.

— А что сделать, чтобы он к нам вышел? — спросил Серый.

— Избушку сделайте да костер ночью в лесу разведите, пошумите. И если он здесь — обязательно придет.

— Время шло к обеду, и ребята, поблагодарив деда Егора за воспоминания и совет, разошлись по домам, договорившись встретиться вечером у Толяна.

Возвращение первопроходцев

Непериодическая библиотечка журнала «Югра», начатая в этом году, пополнилась третьей книжкой, еще одна в печати, пятая готовится. И можно уже говорить о ценной инициативе редакции, которая добровольно и бескорыстно взяла на себя хлопотную, но благородную просветительскую миссию возвращения широкому читателю, а особенно любителям истории и краеведам, ценнейших работ исследователей-патриотов Обско-Иртышского Севера, ныне полузабытых и малодоступных, а также познакомить с некоторыми ранее не издававшимися произведениями.

Первая ласточка серии — К.Д.Носилов «У вогулов». Очерки и наброски. Книга известного сибирского краеведа и путешественника была выпущена в Москве в 1904 году на основе материалов, собранных в бассейнах рек Конда и Малая Сосьва. Перепечатано два из девяти очерков — «Ясак» и «Серебряная баба». Сами названия говорят о том, что речь идет о впечатлениях, связанных со сбором ясака, и о поисках серебряного слитка-копии с известной «Золотой бабы». Их невозможно комментировать, нужно просто прочитать.

Книжке предпослан небольшой биографический очерк Л.Осинцева об авторе, научные и литературные произведения которого печатались в течение добрых трех десятков лет, но, к сожалению, так и не собраны воедино. А ведь Константин Дмитриевич Носилов (1858 — 1923) долго изучал Обской Север. Как мне известно, последние поездки путешественника в наши края относятся к 1914 и 1916 годам и связаны с изысканиями дороги через Ямал по древнему мангазейскому пути (смотрите журнал «Омская область» № 7, 1940 г., с.58 — 59). Читателям «Югры» К.Д. Носилов знаком по публикации во втором номере 1992 г. очерка «Вогульская школа».

Он исследовал богатства недр, возможности судоходства на реках, торговые пути из Сибири в Европу, составлял зоологические, геологические и ботанические коллекции. Примечательно, что Константин Дмитриевич был энтузиастом северного земледелия, сеял злаки и овощи в северных широтах, а за свой оптимизм в оценках был удостоен такой отповеди в книге «Поездка на Урал летом 1892 года» (Москва, 1895г.):

«Мы весьма далеки от того, чтобы согласиться с Носиловым, будто возможно на Севере Тобольской губернии земледелие. А между тем, в своем отчете о путешествии на Север в 1893 году он утверждает, что возможно земледелие даже между Березовым и Обдорском. Станный вздор!».

Писатель-ученый живо интересовался бытом, религией, фольклором, всей культурой местных народов. Немудрено, что знания, накопленные в поездках, и литературный талант, отмеченный А.П.Чеховым и другими русскими классиками, позволяли ему создавать блестящие публицистические произведения, не говоря уже о путевых заметках.

Вторая книжка — Н.А.Абрамов «Описание Березовского края» с небольшой биографической справкой Л.Беспаловой. Автор семь с половиной лет, начиная с 1842 года, работал смотрителем Березовского училища. О его деятельности на ниве образования свидетельствуют такие цифры: количество учеников увеличилось почти вдвое при стабильности населения, а главное, что среди них появились дети северных народов. В 1849 году там училось десять остяков (ханты) и два самоеда (манси). Н.А.Абрамов находил время

для большой исследовательской работы — собирал предания старожилов, изучал архивные документы Березовской воеводской канцелярии, быт и нрав северных народностей, экономическое состояние края.

Как и К.Д.Носилов, он был сеятелем в полном смысле этого слова. Сеял не только разумное, доброе, вечное, но и стал пионером картофелеводства в Березово, возделывал пшеницу, овес, коноплю. Совершенно естественно в его трудах переплетаются исторические, географические и этнографические сведения.

Предлагаемая библиотечкой работа была напечатана в 1857 году в «Записках Императорского русского зографического Общества», в котором автор состоял членом-сотрудником. Поданным самого Н.А.Абрамова, Березовский округ составлял по площади две третьих Тобольской губернии, охватывая громадные территории нынешних Ханты-Мансийского, Октябрьского, Советского, Нефтеюганского, Сургутского и Нижневартовского районов и земли, простирающиеся вниз по Оби. обстоятельное изложение истории, разнообразные сведения о населении, экономике, природных условиях дают основание считать книгу своеобразной историко-краеведческой энциклопедией, интересной и сегодняшнему читателю.

Я впервые познакомился с этой работой более четверти века назад, когда готовил брошюру по истории Ямало-Ненецкого округа. Срок пользования был так ограничен, что выписать смог только данные, касающиеся Обдорской волости. Может быть, и хорошо, что книга была довольно редкой. Многие ценные сведения не были многократно переписаны в последующих работах. А теперь каждый музей округа, каждый старый населенный пункт, почти каждая местная газета могут использовать наблюдения Н.А. Абрамова, связанные с историей их местности.

Третья книга рассказывает также о сеятеле, пионере возделывания зерновых культур в Среднем Приобье Иване Яковлевиче Тверитине, хорошо известном читателям «Югры» по материалам Ю. Белоножко (№ 3 и 11, 1992г.). Книжка так и называется «Священник-хлебороб И.Я. Тверитин». Треть объема занимает статья кандидата исторических наук из Новосибирска Ю.А. Белоножко «Югорский опытник». Это профессиональное исследование истории хлебопашества в Тобольской губернии носит не только познавательный характер, содержит много ранее не опубликованных фактов, но и хорошо проектируется на день сегодняшний, когда встает вопрос о возрождении в округе производства собственного зерна.

В следующем разделе «...во мне крылось давнее желание открыть опыт хлебопашества» Ю. Белоножко представляет несколько работ И.Я. Тверитина. «Опыты разведения хлебов в Березовском крае» (1859г.), «Статистический отчет Березовского округа за 1861 год», отчеты об опытах земледельца с 1860 по 1871 год. Уточняющие примечания к тексту на базе литературных и архивных источников составил В. Белобородов.

Скоро выйдет в свет не опубликованная ранее рукопись поэта и исследователя Кронида Всеволодовича Горновского «В Кондо-Сосьвинском заповеднике». Это о нем писал Виталий Бианки: «Ботаник, хранитель лесов и брат всему живому... Жить без леса не может. Попав в лес: «Я не гость и не хозяин — я пришел в свою семью», — чувствует он».

Известный ученый-охотовед и писатель-эколог Феликс Штильмарк предложил к изданию в этой серии дневники другого известного организатора заповедного дела в округе Александра Григорьевича Костина.

Прав был русский классик, сказав однажды: «Рукописи не горят», — конечно, если есть такие издатели, как редакция журнала «Югра».

Н. Патрикеев

Говорите по-мансийски

Урок пятнадцатый

Вопросительные слова и предложения

Кто?	Хонта, хотьют?
Что?	Маныр?
Что-то?	Маныр-та?
Где?	Хот?
Когда?	Хунь?
Почему?	Манрыг?
Зачем?	Манрыг? Маныр магыс?
Какой/ая, ое/?	Манхурип?
Который/ая, ое/?	Хоты? Хотьют?
Куда?	Хоталь?
Откуда?	Хотыл?
Сколько?	Мансавит? Манах?
Как?	Хумус?
Каким образом?	Хумус?
С кем?	Хотьют ёт?
Это кто?	Тыи хотьют?
Кто этот мужчина?	Ты хотыман ойка?
Кто эта женщина?	Ты хотыман эква?
Кто он /она/?	Тав хотьют?
Кто они/ вы/?	Тан, / нан/ хотьютыт?
Кто здесь?	Тыт хотьют олы?
Кто там?	Тот хотьют? (нанки)
Кто с Вами?	Нан ётын хотьют олы?
Что Вы сказали?	Нан маныр лавсын?
Что Вы делаете?	Нан маныр варегын?
Что я должен делать?	Анумн маныр варункве эри?
Что Вы хотите?	Нан маныр танхегын?
Что Вам нужно?	Нанан маныр эри?
Это что?(такое)	Тыи маныр?

Что случилось?
Что Вы думаете об этом?
Что это значит?
Что означает это слово?
Где мы?
Где вы живете?
Когда вы уезжаете?
Куда вы едете?
Откуда вы приехали?
Сколько стоит?(денег)
Как туда пройти?
Как далеко отсюда?
Разрешите?
Как долго?
В чем дело?
Чей (чья, чье, чьи) это?
Это правильно?
Это правда?
Это хорошо?
Это плохо?
Как это называется?
Вы меня понимаете?
Я правильно вас понял?
Вы можете мне помочь?
К кому я должен обратиться?
Можно вас попросить?
Я тебе помогу.

Маныр емтис?
Нан ты овылтыт маныр номсегын?
Тан хумус торгамтанкве эри?
Тыи латын хумус торгамтанкве эри?
Ман хот олэв?
Нан хот олэгын?
Нан хунь минэгын?
Нан хоталь минэгын?
Нан хотыл ёхтысын?
Маныр тынэ?(олин)
Тув минункве хумус эри?
Тув мос мана палыт?
Рови?
Мана палыт? Мана сыс?
Манырсыр тэла?
Тыи хотьют ут?
Тыи веськат?
Тыи мак?
Тыи ёмас?
Тыи люль?
Тыи хумус лававе?
Нан аnum торгамтылына?
Ам нанан ёмсякве торгамтаслум?
Нан аnum нётункве вермегына?
Аnum хонха китыглахтункве рови?
Нанан рови вовункве?
Наным ам нётынлум.

Примечание. В связи с отсутствием на полиграфической базе типографии знака для передачи заднеязычного носового «н» в тексте он обозначен переднеязычным носовым «н»

Владимир Плотников

На фоне больших кораблей

— А туман приготовил для нас прямо-таки ураган. Еще при подходе к знакомой избушке мы почувствовали, что рядом, за мысом, происходит нечто невообразимое: до нас долетел угрожающий рев волн, а кустарники и травы на мысу буквально лежали под натиском ветра, и даже здесь, в затишке, как бы в естественной бухте ходили тугие и упругие валы.

— Разумеется, мы остановились в избушке и первым делом плотно пообедали. И до обеда, и после него каждый из нас под предлогом интимнейшей надобности побывал на мысу, после чего все сделались очень сосредоточенными.

— Хватит телиться. Поехали! Это вам не баб ереминских и шантальских очаровывать! — подвел итог своим мрачным раздумьям капитан Филатыч. Мы угрюмо повиновались.

— Может не мыть посуду? — наивно поинтересовался Ипполитыч.

— На хрена нам теперь вся эта гигиена? — поддержали его здраво прочие члены экипажа.

— Забыли морской закон! — и капитан полез в свой рундук за крайне дорогой, но идеально чистой тельняшкой. Его примеру последовали и мы, покорно натягивая на себя наиболее чистые и приличные предметы собственных гардеробов.

— Но все наши резонные опасения рассеялись, как только мы поставили паруса, и судно закувыркалось по волнам, повинувшись действию парусов и руля.

— Крутой бейдевинд! — квалифицировал действия команды капитан...

— О! О! О! — и совершается нахальный поворот с бейдевинда на фордевинд. Моряки знают, чем это грозит на хорошей скорости. Во всяком случае, все наши бутылки, склянки и банки, а также упомянутые выше пиалы разлетаются вдребезги тихо и деликатно, не отвлекая нашего драгоценного внимания от более внушительных бед. Вот с ласковым прощальным взмахом исчезает за бортом наша разлюбезная императорская военно-морская швабра... А вот уже тяжелой свинцовой грудью на нас наваливается жестокий грозовой шквал...

— Мы соглашались с аборигенами, интуитивно разделяя их убеждение, что туман, и особенно в жестокую засуху, способен вызывать «на себя» мощные пивни и грозы, но теперь могли убедиться в этом на практике. Кругом засуха! На горизонте третий день десантники с неба кувыркаются! А здесь...

— Эх, раз! Да еще раз!

Дальняя дорога!

Не робейте, моряки.

Воздушная тревога!!

— Короче говоря, мы измотали эту тучу настолько, что она, урча и стреляя молниями удалилась за горизонт, оставив после себя мертвый штиль. Да такой, что мы приняли лодку, проходящую у противоположного берега, за... дирижабль... и приготовились к абордажному бою с инопланетянами. Жаль, у нас нет пушки, но об этом надо будет подумать потом...

— До выхода из тумана было еще далеко, но мы уже глубокой, но почти белой ночью попытались на скорости пройти в устье реки Елмыс. Трава и меляки

преградили нам путь, а при мертвом штиле мы шли на моторе. Бросили якорь, почувствовав, что винт безнадежно забит травой. Все, кроме меня, попрыгали в воду, чтобы умыться и освежиться после всех превратностей. А я вяло потрепескался в ведре. При полном отсутствии малейшего наличия элементарного жирового слоя под кожей я смертельно замерзал при каждом купании наших богатырей. — Ужо вам! Погодите, — мстительно подумал я. — Моя изобретательность беспредельна! И мы еще поглядим, чего стоит против нее ваша хваленая жировая прослойка!

— Случай представился незамедлительно. Эти дурни под занавес решили поставить на ночь нашу дырявую 20-метровую сетку. Какие возможности! Я прямо-таки затрепетал от вожделения.

— Их погубила маленькая задрипанная щучка, которая им попала тогда, когда они еще ставили сеть.

— Вот видите, сколько тут рыбы! А вы еще хотите на всю ночь сетку ставить. Да вы проневодите сеткой, хотя бы вокруг корабля! — гаркнул я им, уютно покуривая на крыше рубки.

— Дальше можно было пить чай и ложиться спать, но я мужественно и до конца пронаблюдал весь этот спектакль.

— Сначала они поймали в свой «невод» несколько коряг, затем в него попался Амеличев с его ста с лишним килограммами живого веса. Потом в сетку угодил Филатыч, и добавилось еще 95 кг. улова. Ипполитыч усердно возил всю эту прорву по топкому мелководу, но его еще и поругивали...

— Подав несколько весьма дельных советов, я упал с рубки и уполз умирать в кубрик. До меня еще долго доносились «сдержанные» выкрики и могучие всплески, прежде чем грязнущие и продрогшие «купальщики» ввалились на корабль. К счастью, они уже забыли, кто подал им такую шикарную идею.

— Ну, что, купальщицы-Сюзанны? Крокодил не повится? — и я этим неосторожным вопросом был вынужден еще выслушать три независимых версии о всех происшедших событиях...

— А злополучную щучку со сломанным хребтом капитан лично и мощным взмахом поднял, а затем бросил в набежавшую невесть откуда волну. Так было отомщено удручающее отсутствие жировой прослойки у некоего небезызвестного читателю индивида. А вообще-то я слышал, что людей с таким физиологическим дефектом даже не берут на морскую службу. Но как быть тогда с капитаном Кусто?

— Утром со стоянки, пользуясь слабым ветерком, ушли парусами прямо по зарослям коварной водной растительности. Вот и еще одна замечательная особенность нашего вполне экологичного судна выявилась! Мотором бы мы в этой траве увязли. Укорачивающимися галсами при встречном ветре красиво вышли из Тумана в Малый Пелым. Парусные учения закончились, теперь начнется работа.

— Еремино уже знало о наших подвигах и встретило нас приветливо. Получили в дар от друга Сереги мешок великолепных сушеных чебаков, которыми лакомились потом до самого Тобольска, а новая ночь застала нас уже на Тавде, на якорной стоянке у острова Ситовского. Ежедневно выпиваем ведро квасу собственного приготовления. Комары свирепствуют. В лесу полно клещей.

Речные капитаны нас признали. Наше судно у них именуется «парусным пароходом», что нас невероятно возвышает в собственных глазах, мы пользуемся любым случаем, чтобы «выступить» перед публикой. Как-то на подходе к поселку Томскому мы красиво обошли плот, буксируемый катером, а затем нас догнала самоходка.

— Эй, на шхуне! Приготовьте швартовы! — прогремела команда из мощного динамика. Это означало, что капитан самоходки сбавляет ход и приглашает нас стать к нему под борт, чтобы следовать у него на буксире.

— Нет! Не нуждаемся! — ответили мы ему знаками.

— На шхуне! Вы вино пьете? — надрывался голос в динамике, и мы что есть силы гаркнули: — Пьем!!

— Так приготовьте швартовы!!

Между тем самоходчик совсем застопорил свою машину, и мы на слабом ветерке начали удаляться от него. Тогда он выскочил из рубки, побежал по палубе и замахал руками.

— Ребята! Подождите! Дайте, хоть я вас сфотографирую!

Против этого мы уже не могли устоять. Развернулись, выписали излюбленную свою «восьмерку», обошли вокруг дрейфующей самоходки и направились опять своим курсом. Деликатным и уважительным обращением нас можно заставить даже «оверкиль» совершить!

— Ребята! Может, вам что-нибудь надо?

— Спасибо! Ничего не надо! — поспешили ответить мы, но тут же кто-то спохватился: у нас же нет швабры, а без нее, как без рук.

— У нас швабру смыло в Пелымском тумане, так нет ли у вас куска каната, чтобы новую сделать?

— Не долго же раздумывал храбрый капитан самоходки: — Держи! — и он метнул нам вслед свою собственную тяжеленную швабру. Мы ее выудили из воды багром, сердечно поблагодарили капитана и ушли за поворот.

— Но позвольте, на императорскую королевскую военно-морскую она не потянет, — дивились мы исполинским размерам дарственной швабры, — она же нас потопит! Ну, ничего, доведем ее до требуемых кондиций. Но доводить ее не понадобилось. На стоянке в Томском к нам подошла знакомая самоходка и на борт к нам явился ее предельно сконфуженный капитан.

— Ребята! Я ведь вам, оказывается, единственную свою швабру отдал. Не подумал, знаете ли. Вы уж ее мне верните, а я вам каната дам, сколько надо.

— Вот она, широкая русская натура! Задним умом крепка! Мы великодушно и охотно согласились на сделку, и скоро на всю округу загревели удары тупого топора о стальную палубу самоходки, на звуки которых отовсюду набежали другие капитаны с криками: «И мне! Ты и мне обещал!!» И наш новый приятель надолго переквалифицировался в рубщика канатов. А мы на очередной стоянке сотворили новую швабру именно по своему привередливому императорскому королевскому военно-морскому вкусу.

На участке между Таборами и Сарьянкой мы познакомились с настоящим туманом, когда не видно и собственного носа, да еще в ночном походе.

— А случилось так, что мы очень спешили в Таборы и поэтому километров на тридцать! /! / проскочили мимо них. Штурманская служба «Флоры», к моему вечному стыду, оказалась весьма и весьма не на высоте. Сначала мы увлеклись гонкой с какой-то назойливой самоходкой, потом беспечно проводили взглядами невидный поселок, не опознав в нем центр Таборы; наконец, по вечернему холодку наш скромный «ЗИД-4.5» так разбежался, что просто грешно было его глушить... Пока разобрались, наступила глухая ночь и выпал упомянутый выше туман. А в Таборах мог назавтра появиться начальник Филатыча — С.М.Мамаев. Вот и пришлось нам заворачивать оглобли. Мамаев, кстати, так и не появился ни в Таборах, ни в Тавде, несмотря на наши упорные телеграфные призывы.

— В Тавде мы заправлялись бензином и газом, принимали у себя на борту вокально-инструментальный квартет студенток из Свердловского медицинского института и отражали яростные абордажные приступы моторизованных местных поклонников медицины и вокала. Вот уж когда нам пригодилась задушевная пиратская песня:

- За нами гонится эскадра по пятам!
- На море штиль, и не избежать встречи...

— Ниже города Тавды река заметно оживилась и потучнела, хотя здесь три месяца не выпадает дождей. То и дело встречаются великолепные песчаные пляжи и столь же великолепные береговые обрывы. Копаться в мощной толще четвертичных аллювиальных отложений очень увлекательно: в них записана новейшая геологическая история обширнейшего края, а если повезет, то в них можно раскопать и мамонта. Иногда, сидя за рулем, чувствуешь, как яхту швыряет на 10-20 метров могучими и таинственными водоворотами. Повсюду плоты, а берега сильно захлаплены древесиной. Вверх и вниз снуют катера и самоходки, не говоря уж о юрких моторных лодках. Здесь держи ухо востро, рулевой! Однажды нам даже встретился колесный пароход, буксирующий огромную баржу. Его приветственный звериный рык надолго погрузил нас в неумеренный телячий восторг.

— А вообще нам повезло, что мы начали навигацию на сравнительно глухих, безлюдных и тесных реках. Мне вспоминается наше до неприличия суетливое оживление, которым сопровождалось поначалу появление перед нашими взорами из-за поворота какой-нибудь самоходки или водометного катера, кстати, как правило, беспечно пренебрегающих всеми правилами и всяческими нормами речного судоходства. Теперь мы спокойно следуем своим курсом, внимательно следим за действиями встречных и обгоняющих судов и сдержанно смакуем знаки внимания, которые нам оказывают.

— Подлинную деморализацию в наши стройные ряды в первой декаде июля внесли атаки завиднейшим образом организованных полчищ слепней. Мы бились как львы, о чем есть кровоточащие записи в вахтенном журнале, но силы были

слишком неравны, и нам оставалось удовольствоваться сомнительным терапевтическим эффектом стихов неизвестного автора:

Титанам падать — не дано!
Борись мечом либо идеей.
Победа в должный час созреет,
Как в погребке заветное вино.
Уверен будь! Обычай предков помня,
Иду на Вы! — сперва провозгласи.
Потом врубись во вражеские сонмы
И большего от жизни не проси.

— Впрочем, одному из «титанов» пришла в голову замечательная мысль — настричь резинок и щелкать ими торжествующих победу слепней при малейшей возможности, хотя бы тренируя при этом снайперский глаз. И надо сказать, что в запертой рубке это оружие оказалось весьма эффективным. Восхищенным свидетелям таких схваток оставалось лишь выгребать из рубки груды поверженных врагов. О, если бы можно было по такой методе изъясняться с действительными врагами!

— Между тем мы приближались к Тоболу и выходили на короткий, но памятный всем отрезок маршрута экспедиции Ермака. Вода в Тоболе нам показалась значительно теплее и светлее /мутнее/, чем в Тавде, а сам он — слабее по водоносности, чем Тавда. Но суда здесь идут огромные. Мы не могли позволить себе на столь знаменательном отрезке тобольской магистрали употребить наш мотор. Поэтому даже смывание с борта преступно не закрепленного мешка с нашей надувной лодкой потребовало от нас головокружительных и сложных эволюций, заключившихся записью в бортовом журнале: «Штурману-рулевому объявить строгий выговор за непотребную лихость, а всем членам экипажа — благодарность за четкую работу». Мы потом недолго, но всем экипажем дивились на этический парадокс, блестяще разрешенный Виктором Гюго в романе «93-й год»: Вот тебе заслуженная награда, а теперь мы тебя расстреляем... В нашем случае виновника сначала расстреляли, а уж затем возложили все заслуженные регалии на его хладный труп. Надо полагать, что тень печального яхтенного штурмана еще долго будет волновать воображение суеверных речных капитанов.

— Наши короткие вылазки на берег живая природа на побережья ограждала с горячим и завидным темпераментом. Демагогия и снисходительность здесь неуместны. И здесь уже даже наша знаменитая «легкая матросская поступь» воспринималась с недоверием, и наш непревзойденный легкий таксаторский шаг не единожды сменялся паническим бегством. Заедает гнус! Но как приятно кувыркнуться в рубку и закричать: «Уходим! Уходим отседова к чертовой матери!» И знать, что скоро мы должны действительно оказаться на пронзительном речном-морском ночном ветру. Рубка — это рай, а якорь — это клад, который мы еженощно просто отдаем на сохранение реке...

— Согласно народным песням, к Тобольску нужно подходить на струге, подбоченясь и заломив шапку на буйной голове. Именно так мы и поступили, и ожидания нас не обманули... Что толку описывать наши впечатления от Тобольска, когда это уже сделано в тысячах публикаций! Я здесь как-то грешным делом отстоял даже обедню, и скромное молебствие «о плавающих и путешествующих, страждущих и плененных» погрузило меня в экстаз. Господи! Сколько известных и бесконечное множество безвестных землепроходцев именно здесь и именно с этой мольбой начинали свой путь в бессмертие!

— Тобольск был основан в 1587 году и в это же время, по распоряжению «сибирского воеводы», на судах по Оби была отправлена экспедиция, возглавля-

емая «московским гостем Лукой». Ей поручалось плыть до устья Оби, а затем пройти к Енисею. Лука и большая часть его спутников погибли, но в Москву был доставлен отчет, который до нас не дошел, но о нем упоминается в сочинении голландского географа Исаака Масса, переведенном с русского языка /! — на голландский в 1609 году. Вот как далеко простирали свои лапы всеильные в те времена голландцы! Но и русские были не лыком шиты! Оборотистые новгородцы побывали в низовьях Оби еще в 1364 — 1365 годах, о чем есть запись в Новгородской летописи... Сибирь — это наш родной край, и надо всеми средствами бороться против его безоглядного разграбления, надо грудью встать против позиций безответственных временщиков.

— А в Тобольске от нас уходили главный водолаз и верховный суперкарго. Замены им не было, и мы с Филатычем опять оставались вдвоем, на этот раз на мощной груди Нижнего Иртыша.

— Были бы кости, а мясо нарастет! — угрюмо провозгласил капитан, когда мы уходили из Тобольска. Небо нахмурилось, и мы надевали ватники, когда попеременно выходили на судовую вахту. Праздник кончился, наступают суровые трудовые дни. Но великолепный и щедрый случай уже ожидал нас за поворотом в ближайшие дни.

— В это серое и хмурое утро мы вяло пожевали наш немудреный матросский харч, а затем пожелали уйти с якорной стоянки парусами. Я оставался рулевым, поскольку мощности моих хилых мышц не хватало для трудоемких работ со снастями. Я поднаторел в этом деле и привычно заработал румпелем. Но ветра не было, его не было во всей округе, его не было вообще. А мы с упорством маньяков ловили парусами дым собственных сигарет. Надо сказать, что для руля требуется скорость, чем выше скорость, тем послушней руль. И нас с неумолимой неизбежностью занесло в глубокий омут, красиво декорированный упавшими деревьями.

— Капитан выставил по правому борту мощный багор, а я мог лишь наблюдать за его действиями, не имея права покинуть руль. Капитан уже нацелился багром в ствол мертвого дерева, чтобы оттолкнуть от него судно. Я четко видел, что капитан промахнулся буквально на несколько миллиметров, а затем он гулко ухнул в омут, как святой Гергий Победоносец, потрясая бесполезным уже копьем... А я вlepил в кусты наше обретшее от толчка ускорения судно...

— Из дремучей топи, в ватнике и с биноклем на груди, капитан пробивался к борту. Я помог ему взобраться на корабль. В этот момент к нам подлетела моторная лодка.

— О, да здесь, кажись, тонут!

— О, да здесь, кажись, Семериков с Плотниковым!!!

— Наш сотрудник Андрей Судьбин неведомо откуда взялся и тотчас присоединился к нашему сдержанному разбору событий.

(Продолжение следует)

С В И Я З Ъ

Ю. Гордеев

В какой-то из дней первой декады мая Ким сказал, что скоро будет ледоход на реке, и мы отправились посмотреть на это событие. Сразу пошли по улице в Летний сад, в котором я со дня переезда в Березово не бывал.

Сад оказался рощей из старых лиственниц и кедров. В том месте, где в яру было углубление с ледником и роща прерывалась, открывался вид на реку Сосьву, но она была далеко. Тогда мы пошли на пристань, одно из примечательных сооружений в поселке. Только поднялись на другой склон лога, как над головами пролетела целая стая темных быстрокрылых птиц. Летели они плотно, постоянно перестраиваясь на ходу, и громко свистели, напоминая веселую компанию.

— Кто это? — спросил я Кима.

— Да это «свизии»! Утки такие. А вон и чирки летят!

Значит прилет начался, и откроется охота!

Мы постояли еще некоторое время на открытом яру, рассматривая просторы Обской поймы, по которым несла свои воды и Северная Сосьва. Пожалуй, с этого дня я ощутил влияние великих просторов, уходящих за горизонт, и потом много раз прибегал на яр, чтобы вновь и вновь ощутить их притягательную силу. Дома я застал отца, который сидел за столом и насыпал черный порох в патроны — готовился к охоте. Меня на это таинственное занятие, называемое охотой, он не взял, тогда не было резиновых сапог, чтобы ходить по весенним болотам. Пришлось ждать результатов дома.

Вернулся отец на другой день к обеду и вывалил на пол 6 — 7 уток разных размеров и цветов. Когда одну из них он назвал «свизия», я, помня вчерашнюю встречу, начал ее рассматривать. В отличие от чирка и кряквы, лежавших рядом, утка имела рыжеватую грудь и голову. На темени белело пятно, а по бокам тела шел тонкий струйчатый рисунок и, что особенно было заметно, на крыле выделялось белое зеркальце. Вот такой была встреча с самой обычной и, пожалуй, самой «веселой» уткой нашего края.

Действительно, ни одна утка весной не подает такого жизнерадостного голоса, как свизия. Их табунки летят всегда с веселым пересвистом. Если свизии прилетели и расселись парами по озерам, то до конца июня их голоса будут звенеть в воздухе, усиливаясь на вечерних закатах. Без их голосов белые ночи в просторных поймах становятся тихими.

Звонкий свист свизии отразился не только в русском названии этой птицы, но и в местных. Ханты называют его — «вуюх», манси — «ую», «вуй», как бы имитируя брачный голос самцов-селезней.

У свизии, кроме весеннего голоса, есть еще одна особенность, отличающая ее от других уток. Когда весной рассматриваешь плавающих самцов, обнаруживаешь хорошо заметную несхожесть в окраске. Одни имеют четко выраженную лысину на голове, другие — нет. У одних грудь и шея светло-рыжие, у других — темные, да и белое зеркальце у одних широкое, у других — узкое.

Во второй декаде мая прилет заканчивается, и связи занимают свои летние гнездовые урочища, предпочитая поймы. В эту пору наиболее часто слышны призывные голоса самцов. Самочки ведут себя тихо, они усиленно кормятся, пополняя запасы истраченной при перелете энергии и накапливая новые запасы перед долгим сидением на гнездах, когда питаться приходится урывками. При кормежках самочки не один раз в день выходят на берег присматривать удобные места для гнезд. Начинается довольно быстрая постройка гнезда из сухой травы. Откладывается одно за другим до 9 яиц, самка, пока не будет полная кладка, продолжает вылетать на озера покормиться, здесь ее часто ожидает самец.

Постепенно вылеты самок становятся реже и одновременно возрастает соперничество между самцами. Они ревностно преследуют друг друга, пока самый смелый не отгоняет других, более слабых, хотя и назойливых. Если в пору ухаживания самочка взлетает, вся компания из двух-трех холостяков устремляется за ней. В воздухе слышится сердитый свист, ворчание и громкое хлопанье упругих крыльев, пока наиболее сильный и крепкий не отобьется от слабых. Освободившись от соперников, новая парочка спешит на озеро. Найдя там новое кормовое место, самочка принимается плавать между кочек или пучков травы, собирая своим тонким, по сравнению с другими утками, носиком пищу с самой поверхности воды. Самец же, сопровождая ее, больше прислушивается да присматривается.

Услышав или увидев какую-то опасность, чаще человека, самец замирает, вытягивает шею, глядя на него; перестает кормиться и уточка — ждут, что будет дальше. Если человек приближается, то резко свечой взлетают, и тут звучит характерный громкий и хриплый голос самки. Тревожный голос самки понимают не только другие связи, прячущиеся в траве, но и утки других пород, которые уже молча взлетают в небо.

Опасность уходит, связи возвращаются на свое озеро. Самка, насытившись, уходит на гнездо, и самец остается один. Он какое-то время плавает, прислушиваясь к голосам других самцов, потом, если чувствует силу, летит на другое озеро с желанием «отбить» еще самочку.

Один за другим проходят июньские дни. В гнезде у самочки, по мере насиживания, появляется больше пуха, и теперь, уходя на озеро, чтобы покормиться, она прикрывает им кладку. Мягкий пух дольше, чем трава, сохраняет тепло, благодаря ему самочка успевает насытиться, пока кладка не остыла.

Через двадцать дней, почти одновременно, из яиц выходят пушистые утята и, обсохнув, спешат в воду, где в сопровождении матери сразу самостоятельно кормятся и плавают.

В то время, как самочки больше времени проводят на гнездах и реже вылетают на озера, самцы меняют отношение друг к другу. С середины июня они перестают ссориться и нередко кормятся по два — по три вместе. Потом сбиваются в табунки по 10 — 15 птиц и улетают на озера с пологими берегами и кустами ивняка, растущего в воде, на линьку. В середине августа линька у старых самцов заканчивается. В это же время и молодые поднимаются на крыло и, прилетая на кормовые озера, встречаются со своими отцами, знакомятся и образуют смешанные стайки.

Днями все связи обычно держатся на озерах среди кочек, а в темноте спешат на полосы мокрого ила — няши. Здесь они, как поросята, всю ночь молча топчутся по колено, а то и по грудь в няше и «щекотят» своими клювиками, вылавливая разную живность. С рассветом птицы возвращаются на старые места, чистят запачканное оперение и смазываются его жиром, благо он рядом, под хвостом — на кобчике, где расположена особая железа.

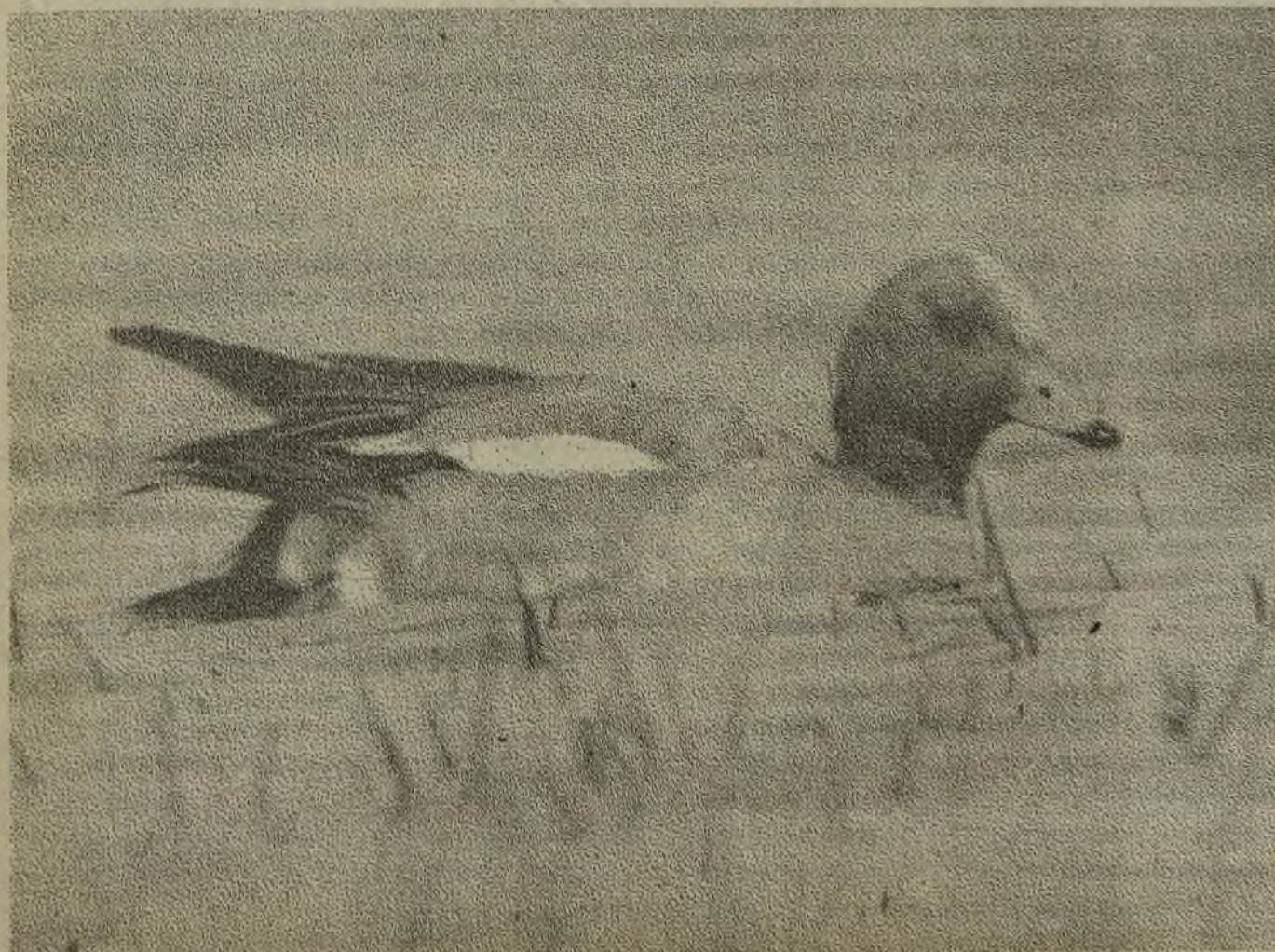
В сентябре хорошо упитанные связи, достигнувшие веса 700 — 800 граммов, ждут погодного сигнала, чтобы отправиться на зимовку. Обычно перед этим они вылетают несколько раз на песчаные отмели, чтобы пополнить запас гастролитов, маленьких жерновов, помогающих их желудкам перетирать жесткую пищу. Если их не беспокоят, то отдыхают здесь и днем.

На зимовку летят молча ночью, преодолевая за один перелет до 300 км. Потом день — два отдыхают и снова в дорогу. На юге области пути табунков расходятся: одни летят на юг — к Каспийскому морю, в Индию, другие на запад — на побережье Франции, Голландии.

Перезимовав там, связи возвращаются, но не все долетают до гнездовых тихих озер, много уток гибнет от растущего числа охотников; сокращается общая продолжительность их жизни. Теперь очень редко попадают птицы в возрасте 7 — 8 лет, больше — 3-4.

Другая беда — увеличивается число самцов, так как много гибнет самок оттого, что охота идет на вечерних зорях, когда в сумерки трудно определить пол птицы. В итоге на наших озерах уменьшается число самок музыкальных и голосистых уток-связей.

Фото автора

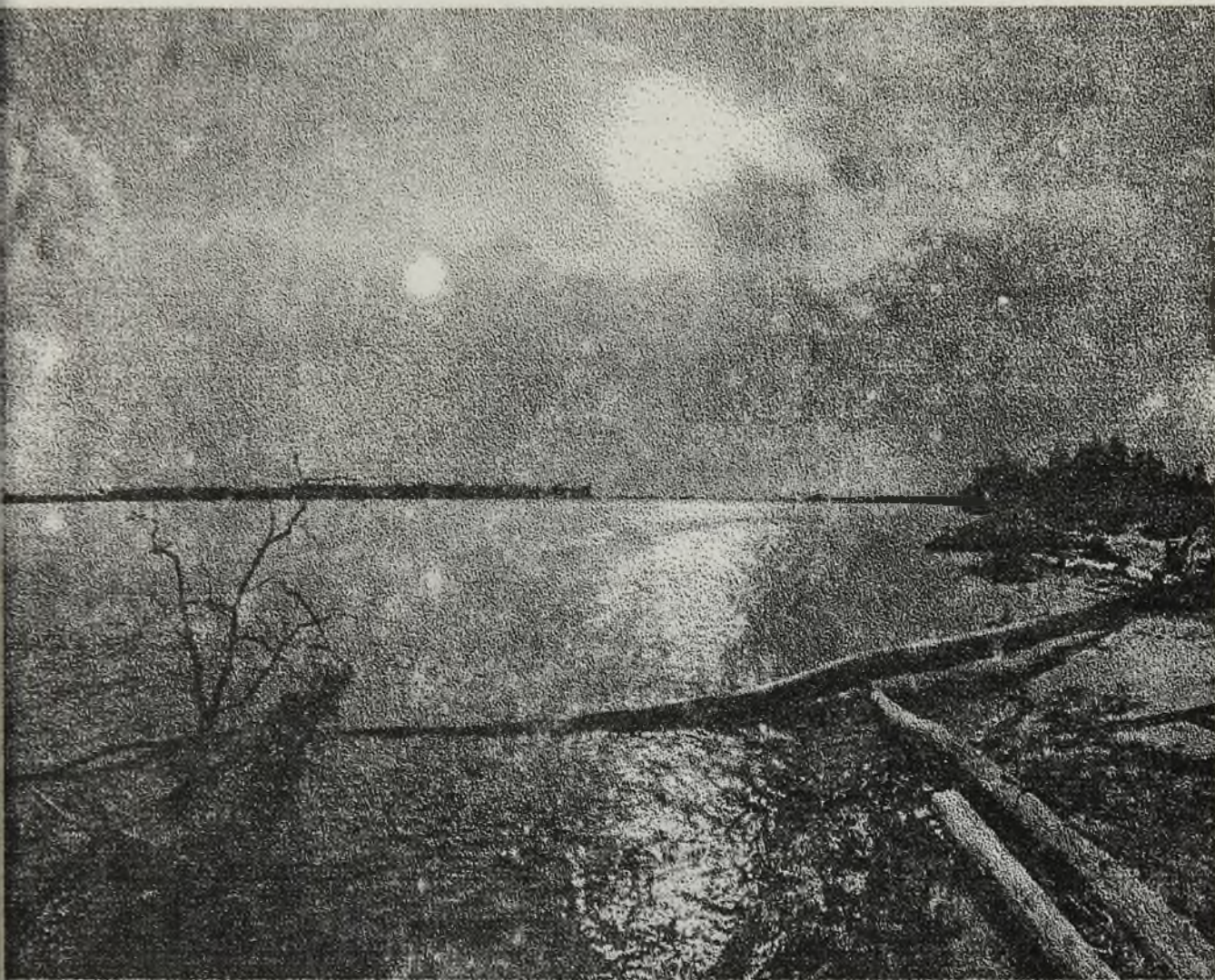

Фото Л. Березницкого

Индекс 78716.